

АЛЕКСА ВУЛФ

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА
ЖАР - ПТИЦ.
НА ПЕРЕПУТЬЕ МИРОВ

ИДДК

Алекса Вулф

Последняя из рода Жар-Птиц. На перепутье миров

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72141097
Последняя из рода жар-птиц. На перепутье миров:*

Аннотация

"Последняя из рода Жар-Птиц. На перепутье миров" – роман Алексы Вулф, жанр нью-эдалт, славянское фэнтези, попаданцы в другие миры.

Золото перьев Жар-Птицы. Магия и коварство знакомых с детства персонажей. Красивый загадочный мужчина, которого сама судьба навязала мне в спутники.

Вы верите в сказки? Я всегда верила. И, кажется, именно поэтому боги решили сыграть со мной злую шутку, выдернув из привычного мира в... сказку. Вот только она оказалась не такой уж и доброй.

Я не просила крыльев, но мне их дали. Я не просила приключений, но они сами меня нашли. Я не просила любви, но она меня неминуемо настигла.

А теперь от меня зависит судьба целого мира, но мне бы для начала просто выжить...

**ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ
СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

Содержание

Глава 1. Волшебный костёр и жар-птица	6
Глава 2. Неожиданный визит и разговор по душам	31
Глава 3. Начало пути	58
Глава 4. Опасная служба Иванушки	85
Глава 5. Пернатые страсти	109
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Алекса Вулф

Последняя из рода жар-птиц. На перепутье миров

© Вулф Алекса

© ИДДК

Глава 1. Волшебный костёр и жар-птица

Я моргнула. Снова и снова, пытаюсь прогнать картинку, возникшую перед глазами. Буйство шелковистой изумрудной травы, достающей самых колен, густой тёмный лес, закрывающий острыми пиками линию горизонта, где всего мгновение назад скрылось солнце.

И молодой мужчина. Высокий русоволосый красавец старорусской вышитой рубашке-косоворотке и странных штанах, названия которых я не знала.

– Не молчи, красна девица, когда честной молодец вопрошает. Как звать тебя да откудова пришла в наш край?

Я снова моргнула, но и лес, и «молодец честной» не пропадали. Вздохнула. Это ж как меня так угораздило? Ведь всего одно биение сердца назад я была в совсем другом лесу. В компании подруг, весело отмечающих Ивана Купалу у огромного костра. В ушах всё ещё стоял звонкий смех Машки, перепрыгнувшей высокое пламя прямо передо мной. А после прыгнула я, зажмурившись и мысленно отругав себя за нарушение всех возможных техник безопасности и правил самосохранения. Огненные языки мазнули по ступням, обжигая острым перцем, а в следующий миг я оказалась здесь.

Из ночи в глубокий вечер, из тёмного леса – на опушку, из

компании смеющихся девушек – в лапы неизвестного мужчины с говором селянина каких-нибудь прошлых веков.

Может, я неудачно приземлилась и стукнулась головой об одно из массивных брёвен, которые художественно выложили вокруг костра подружки? И всё, что я сейчас видела, было плодом моего воображения? Ох, чувствовала я, что не стоило идти на поводу у девчонок. Ну хотели прыгать – пускай, я могла просто понаблюдать со стороны, сделать парочку эффектных фотографий на телефон. Но нет же, поддалась на уговоры, сиганула. И что теперь?

Хорошо, если травма несерьёзная и я скоро очнусь. А если...

– Красна девица, – с нажимом произнёс молодой мужчина, вырывая меня из тяжких дум, и многозначительно замолчал, ожидая ответа на многократно заданный ранее вопрос.

– Алёна, – буркнула я в ответ, решив не фантазировать и назвать своё настоящее имя. Если это мои глюки, то имя моё тут всем придуманным персонажам известно априори, а если... Нет, даже просто предполагать то, что я могла действительно каким-то чудом оказаться в другом мире, было подобно сумасшествию.

– Алёна, – повторил мужчина и улыбнулся, отчего суровая нахмуренность на его лице сменилась располагающим добродушием. – А я из во-о-он того села, Иваном кличуть.

Широко взмахнув рукой, он указал на видневшиеся у самого края леса силуэты хижин, подсвечиваемых огоньками в

окнах. Ну конечно, какое ещё могло быть имя у красавчика, словно сошедшего со страниц старорусских сказок?

– А ты, стало быть, на праздник пришла? Наши-то уже почти все собрались у кострища. Заплутала, небось? Давай провожу.

Я машинально кивнула, просто чтобы не вызвать возможную агрессию своим внезапным ступором. К кострищу идти с незнакомым Иваном вовсе не хотелось, но и сбежать от него я сейчас не могла. Оглядевшись по сторонам, вдруг поняла, что подруг и знакомого костра в зоне видимости не оказалось. А гулять самой по неизвестным дебрям было страшновато. Я, привыкшая к городским стенам, в лесу чувствовала себя словно потерявшийся котёнок. Без сопровождения в трёх соснах заблужусь.

– Так откуда, ты говоришь, притопала? – продолжая улыбаться, спросил Иван, а я мысленно хмыкнула. Ничего я не говорила и говорить не собиралась, пока не выясню хотя бы основную информацию. Где я, что со мной и как вернуться назад.

– Издалека, – неопределённо ответила я, оставляя себе зазор для придумывания легенды на случай, если всё же, вопреки доводам разума, оказалась в иной реальности. Сначала надо узнать, какие здесь вообще существовали города и сёла, а после уже выбирать самое удалённое. Чтобы никто не смог проверить истинность моих слов.

– Кто ж тебя одну пустил-то, – сокрушённо покачал голо-

вой Иван. – Издалека-то...

И почудилось мне, что мой спутник был вовсе не дурак, как некоторые его тёзки из сказок. Но, к счастью, пока он не настаивал на правдивой информации, а я решила играть дальше.

– Да кто ж говорит, что одна. Заблудилась я, – картинно вздохнула и опустила взгляд на свои руки. Машинально отметила, что мой наряд, который я воспринимала как часть маскарада, здесь смотрелся весьма к месту. Представив удивлённый взгляд Ивана, если бы тот увидел меня в джинсах и современной рубашке, я улыбнулась. Было бы сложнее объяснить своё нахождение в таком виде мужчине с мировоззрением века восемнадцатого.

– Тогда тебе повезло, что я тебя сразу нашёл, – приняв улыбку на свой счёт, отозвался Иван. – Что ж, потопали. Тут недалече, почти пришли уже.

Я вздрогнула. Одно дело обманывать Ивана, когда вокруг ни души, и совсем другое – облапошить толпу неизвестных селян, где каждый мог заподозрить неладное.

Но мы и вправду почти пришли. Сквозь редяющие стволы мощных деревьев виднелись отблески пламени огромного костра, а до ушей доносилось мелодичное пение и звонкий смех молодых людей.

– Представлю тебя своей гостьей, не волнуйся. После пощем твоих, не будем портить праздник лишними расспросами, – шепнул мне Иван, подтверждая моё впечатление о нём как о человеке весьма неглупом, прежде чем вывел на поляну, где на нас тут же уставилось море удивлённых глаз.

– Это Алёнка, прошу любить и жаловать! Кто обидит аль зло какое учинит, будет иметь дело с моими кулаками.

Повернувшись ко мне, Иван подмигнул и шепнул:

– Не бойся, девица, теперь никто тебя не тронет. Моих кулаков опасается даже староста.

Я нервно улыбнулась. Хотелось сбежать с многолюдной поляны, да кто ж теперь отпустит-то?

Первое время местные меня трогать опасались. То ли угроза Иванушки сработала, то ли присматривались, формируя своё собственное мнение на мой счёт.

А я... я просто сидела на большом бревне, служившем лавочкой, и смотрела на людей, даже лица которых были слишком несовременными. Невольно вспомнились самые первые снимки русских крестьян. Вот что-то такое читалось в глазах тех, кто сидел сейчас напротив меня и разглядывал, пытаюсь выведать всю подноготную.

Ощущение, мягко говоря, не очень приятное. Я с трудом сдерживала желание передёрнуть плечами. Раз так дцать.

Минут через десять Иван, оставивший меня на брёвнышке сразу после своего угрожающего представления меня толпе, вернулся с глиняной кружкой.

– Держи, небось, жажда замучила?

Я машинально приняла кружку в руки, обхватив её толстые глиняные бока.

– Холодное, – заметила я. – Что это?

– Узвар, – с готовностью отозвался Иван. – Нешто в ваших землях не варят такого?

Мысленно стукнула себя по лбу. Дурёха, можно было просто сказать спасибо! Конспирация трещит по швам!

– Варят, – ответила Ивану, стараясь, чтобы улыбка выглядела естественной, а не вымученным оскалом. – Просто в темноте не признала.

Иван кивнул, хотя взгляд его ясных глаз задержался на моём лице на мгновение дольше положенного. Неужели что-то заподозрил?

– Ты пей, пей. Не отравят здесь тебя. У нас лихих людей

нет, все свои. Только полезным и вкусным потчует!

Чтобы не ляпнуть ещё чего лишнего, поднесла кружку к губам и осторожно отпила глоток. Вку-у-усно! Зажмурившись, невольно перенеслась в детство, когда на летние каникулы родители отправляли меня на хутор к бабушке. Грубо сколоченный деревянный стол, который служил исключительно для обедов-ужинов под открытым небом, укрытый светлой толстой клеёнкой. Свежий наваристый борщ со сметанкой в глубокой расписной по краю тарелке, ещё тёплый ароматный домашний хлеб с хрустящей корочкой, отрезанный толсто и неровно, но с душой и щедро, по-деревенски. И тёмный прозрачный компот из сухофруктов в гранёном стакане. Оно! То самое...

Именно этот вкус бабушкиного компота мне и напомнил холодный узвар, словно по волшебству отправивший прямоком в беззаботное детство.

– То-то же, – довольно кивнул Иван, без труда угадав, что мне понравилось. – Говорил же, для своих всё. С душой и сердцем.

Смахнув невидимые пылинки с бревна, на котором я сидела, он плюхнулся рядом. А мне вдруг стало спокойно и хорошо. Будто этот молодой мужчина одним своим присутствием гарантировал мне защиту от любых бед. Абсолютно нелогичное чувство, но я не хотела портить момент и ударяться в анализ произошедшего со мной. Не сейчас. Моя психика остро нуждалась в хотя бы недолгом покое. Иначе

можно окончательно сойти с ума. Всё же не каждый день попадаешь в параллельный мир. В то, что это просто фантастические грёзы, пока моё тело лежит в коме, я верила с каждым мгновением всё меньше. Слишком реальным был и лес, и люди вокруг, и Иван, в ясных глазах которого плясали отблески огромного костра.

Поймав мой взгляд, Иван широко улыбнулся, а на его щеках появились задорные ямочки. Красавец, и ясно осознавал это сам.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать мне, как вдруг звонкий девичий голос позвал его, перекрикивая гомон веселящейся толпы:

– Ванька, ходь сюды!

– Отлипни уже от зазнобы своей, – раздался чей-то мужской баритон. – Не боись, не тронут твою Алёнку.

Зазнобой меня ещё не называли. Невольно смутилась, прекрасно понимая, что меня только что при всех чуть ли не парой Ивану назначили. А мы знакомы-то меньше часа!

– Никуда не уходи, я быстро, – резво подскочив на ноги, бросил мне Иван и, перепрыгнув через поленья, бодрой походкой направился к девушке, чей голос так призывно его звал.

Я проследила за направлением, куда отправился мой защитник, и нахмурилась. Яркое пламя костра хорошо освещало в сгустившихся сумерках лицо девушки. Красивая. Очень красивая. Я на фоне этой роковой красоты смотре-

лась бледной молью.

Тёмные волосы, собранные в две тяжёлые косы, идеальные дуги чёрных бровей, огромные глазищи и пухлые алые губы, так маняще улыбающиеся Ивану. Я не сомневалась, что мой спутник уже через минуту забудет обо мне.

Отчего-то стало обидно, хоть мы и вправду были совершенно чужие друг другу люди. Тряхнув волосами, попыталась прогнать неуместные мысли из головы. Всё, расслабилась, пора и честь знать. А точнее, думать, как выбираться из этой гостеприимной, но отдающей скрытыми угрозами сказки.

– Алё-о-о-на-а-а...

Я вздрогнула. Едва различимый тонкий голосок звал меня по имени. Но кто это?

Я заозиралась. Никто кроме меня внимания на странный зов не обратил.

– Алё-о-о-на-а-а...

Я прислушалась. Звук исходил со стороны леса, откуда-то из непроглядной тьмы, засевавшей между стволов деревьев.

Мазнула взглядом по месту, где в последний раз видела Ивана с роковой красоткой. Оба нашлись там же, на толстом бревне. Девушка что-то держала в руках, а Иван, склонившись низко-низко, почти лбом ко лбу девушки, смотрел на это нечто в её ладонях.

По всему выходило, что Иван и думать забыл обо мне. А голос звал и звал, и с каждым разом в тоне его появлялось

всё больше нетерпения и какой-то отчаянной надежды.

Чему быть, того не миновать. Вдруг это как-то прольёт свет на то, где я очутилась и зачем? А может, это тот самый голос, который должен вывести меня из дебрей сознания, чтобы я наконец очнулась там, где положено, – в своём привычном мире?

Более не сомневаясь, я оставила опустевшую кружку на бревно и, стараясь не привлекать к себе внимания, соскользнула в тень ближайших кустов. Замерев на миг, убедилась, что никто не заметил моего тактического отступления, и прислушалась.

– Алё-о-о-на-а-а...

Голос звучал ближе. Вздохнув, я пожелала себе удачи и шагнула в кромешную тьму леса.

Было страшно. Сердце больно билось в рёбра, будто пыталось проломить грудную клетку, а в ушах так громко стучала кровь, что заглушала хруст веточек под моими ногами. Лишь голос, зовущий меня, продолжал усиливаться, перекрывая все остальные шумы.

Где-то справа ухнула сова. Кажется, я чудом избежала сердечного приступа. Прижав ладонь к груди, шумно выдохнула.

– Алё-о-о-она-а-а...

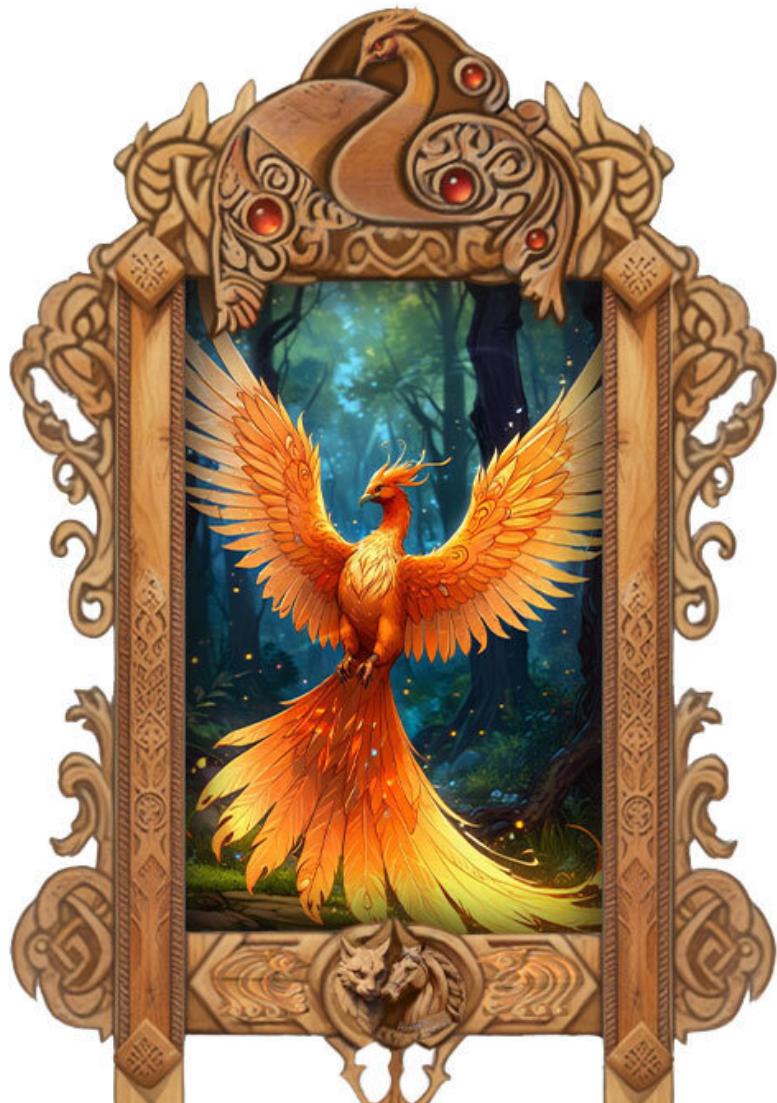
Голос был совсем близко...

Ветви деревьев передо мной были похожи на сплошную хвойную стену. Здесь, в этом участке леса, лиственных де-

ревьев почти не попадалось. Густые лапы елей и сосен так плотно переплетались между собой, что пробираться дальше вглубь становилось сложнее и сложнее. Наконец я расправила очередные схлестнувшиеся между собой ветви и ахнула. Невольно зажмурилась, потому как после кромешной тьмы яркий огненный свет буквально ослепил.

– Феникс, – благоговейно прошептала я, глядя на ожившее чудо сквозь безопасный прищур.

Передо мной на высоте глаз парила птица, сплошь сотканная из яркого пламени. Тонкая шейка, изящная головка с маленьким, но весьма острым клювом, и роскошные крылья, распахнутые на всю длину, да хвост, струящийся почти до земли. Никогда не видела ничего более прекрасного, чем это чудо передо мной.

– Жар-птица я, Алёнушка, – исправила меня птаха своим тонким голоском. – Помоги, Алёнушка!

– Как же мне помочь тебе? – Я растерянно взмахнула руками. – Что я могу сделать?

– Прими. – Жар-птица слабела на моих глазах. Даже волшебное свечение её оперения словно тускнело, теряя силу. Мягко опустившись на траву, птица приподняла головку и повторила:

– Прими...

– Прими, прими, – проворчала я, нервничая всё сильнее. – Как? Что именно я должна сделать?

Но птаху словно заело. Я чувствовала – жар-птица умирала. Прямо на моих глазах! Нет, мы так не договаривались!

– Прими...

– Принимаю! – рывкнула я от отчаяния и импульсивно подхватив птицу на руки. Я не умела спасать животных, понятия не имела, как лечат пернатых, но интуиция требовала коснуться жар-птицы. Хотя бы так, просто показать, что она не одна. Пусть даже в последний раз...

Птица с усилием открыла глаза, внимательно посмотрела на меня, и головка её безвольно упала вниз. Я тут же подхватила её, оглушённая стуком своего сердца.

Как так? Это же сказка! Здесь должно быть «долго и счастливо». Добро побеждает зло. Где это всё? Почему меня забросило в какую-то противоположную реальность?

Я не знала, что дальше делать. Мыслей в голове не осталось, одна пустота. Так и сидела на траве, удерживая на руках бесчувственную жар-птицу. Её крылья и роскошный хвост были словно чистое пламя у моих ног. Яркое, но не обжигающее.

Сколько прошло времени, не знаю. Я не могла заставить себя бросить погибшую птаху посреди леса. В глазах пекло от чувства вины. Не смогла помочь, не спасла...

Глухое уханье совы заставило вздрогнуть. Стерев со щёк солёную влагу, я всхлипнула и вгляделась в птицу, которая будто уснула на моих руках. Вот только она не дышала. Со всем.

– Что же делать? – тихо проговорила я, боясь шевельнуться.

Я так долго всматривалась в поникшую головку жар-птицы, что в какой-то момент меня саму словно повело. Едва не рухнув на землю, я тряхнула волосами. А потом заметила, как веки птицы задрожали. Но... неужели?

Боясь верить в чудо, я почти не дышала, наблюдая за тем, как огненная птаха постепенно оживала. Когда сил в маленьком тельце прибавилось, она приоткрыла клюв и, распахнув сияющие золотом глаза, вдруг со вздохом произнесла:

– Спасибо. Ты... спасла нас... Алёнушка.

Я хотела спросить, от чего и как спасла, но в следующий миг птица буквально испарилась в воздухе, оставив после себя лишь маленькое золотое перо, застрявшее в траве возле

МОИХ НОГ.

– Замечательно, – ошарашенно проговорила я. – И как это всё понимать?

– Мы ещё увидимся, – словно издалека до меня донёлся тоненький голосок жар-птицы. – Скоро я к тебе вернусь. До встречи, Алёнушка...

– Да уж.

Подхватив подарок жар-птицы, я спрятала его в карман платья. Куда теперь податься? Дорогу назад я без Ивана во тьме такой не отыщу.

И, словно подумав, что на мою долю досталось мало испытаний, местные боги решили добавить огоньку.

Где-то совсем близко раздался протяжный волчий вой.

Мамочки!

За спиной хрустнули ветки, выдавая мощь несущегося на запах жертвы хищника. А меня приложило страхом, обездвигив и напрочь лишив естественного инстинкта самосохранения – попытки сбежать.

Когда до решающей встречи оставалось одно мгновение, на моё плечо опустилась тяжёлая рука. Я взвизгнула и рванулась в сторону, но была остановлена строгим:

– Не рыпайся, Алёнка. За спину ко мне. Быстро!

А я что? Я ничего. Иванушка, спаситель мой родненький, нашёл!

Сверкнул росчерк короткого клинка, поймав тонкий луч луны на острый край лезвия.

Смотрела во все глаза на тень Ивана, который совсем перестал казаться беззаботным деревенским увальнем. Настоящий охотник! Собранный, сосредоточенный, бьющий раз – но в цель.

С хищниками иначе нельзя. Не убьёшь сразу – считай, сам погиб.

Темнота леса скрыла от меня весь ужас кровавой драмы, но последний визг волка резанул по ушам. Всё же я, девушка из цивилизованного двадцать первого века, не была приучена к жестоким будням выживания в дикой природе. И животинку, которая с лёгкостью схрумкала бы меня всего минутой ранее, было очень жалко. Хоть и понимала, что не повись здесь Иван, спасти было бы уже некого.

– Что же ты, дурёна, в лес одна пошла-то? – отдышавшись после короткого, но серьёзного боя, обратился ко мне Иван. – Али жить надоело?

– Заблудилась я, – с сожалением сказала я. Не признаваться же, что за голосом пошла! Проще намекнуть на попытку справить естественные потребности и свою дурость девичью, чем выдавать жар-птицу. Прижала к груди кулачок, пытаюсь помочь сердцу остановить свой спринтерский забег.

– Дурёна, – ласково обозвал меня Иван и по-простому притянул к себе, вынудив уткнуться носом ему в вырез вышитой рубахи. – Пока твоих не найдём, ты под моей защитой. Только не убегай, я ж не нечисть кака. Даже ежели по нужде надо, сказала бы, я б девку какую тебе в помощь на-

шёл. Одной в такую ночь по лесу бродить опасно, особенно хрупкой деве, как ты. На тебя же дунь – сломаешься.

Я хмыкнула. Ну, допустим, не сломаюсь, но как было необычно и, чего греха таить, приятно, когда вот так беспрекословно брали под свою защиту. В моём мире мужчины редко баловали подобной надёжностью и заботой.

Мы постояли так ещё какое-то время, а после Иван мягко развернул меня.

– Пора возвращаться, пока по наши души отряд молодец не вышел. – И усмехнулся.

– Как ты понял, что мне нужна помощь? – спросила я Ивана, стараясь не оглядываться. Пусть вокруг было темно, но чернеющую на траве тень туши волка мои глаза всё же немного различали.

– Не знаю, – Иван пожал плечами. – Почувствовал. Да и не увидел тебя на брёвнышке, где оставил. Взволновался сразу.

– А твоя девушка не будет ревновать, что ты бросил её и за мной помчался? – спросила, пытаясь в темноте разглядеть лицо моего спасителя. Не знаю, зачем спросила это. Может, просто сменить тему, а может, шевельнулось в душе что-то типично девичье, собственническое, нелогичное, эмоциональное.

– Моя девушка? – Иван даже остановился, услышав мой вопрос. Жаль, видно было плохо, но в голосе слышалось явное удивление. – Это кто?

Минута потребовалась молодому богатырю, чтобы сопо-

ставить все факты и прийти к нужному выводу.

– Марьянка-то? – Дождавшись моего неуверенного кивка, Иван засмеялся. – Ты чего, Алёнка. Марьянка мне вместо сестры, считай. С малолетства вместе по кущам ползали да нечисть искали. Не зазноба она мне, не суженая.

– Ну то ты так считаешь, – тихо заметила я, прекрасно помня взгляд черноволосой на Ивана. – А у неё на твой счёт другое мнение может быть.

Иван какое-то время молчал. Потом помотал головой, отрицая мои предположения.

– Мудрёно говоришь, Алёнка, да я знаю лучше. Нет там интереса ко мне девичьего, и быть не может.

Я предпочла не спорить. И так со своей неуместной психологией чуть не выдала себя снова. Так дело не пойдёт. Надо больше молчать и прислушиваться к манере речи местных, а за своим говором городским и современным следить получше.

До полянки дошли мы в спокойной тишине. Иван думал о чём-то своём, а я старалась привыкать к роли молчаливой и покорной своей участи селянки.

– Иванушка, вернулся! – стоило нам выйти в свет костра, заголосила Марьянка. Не нравилась она мне, вот изнутри что-то противилось. Хоть и не могла понять почему. Девка красивая, да. Но разве это повод искать в ней зло?

– Куды ж я денуся, – распахнув руки, улыбнулся Иван, показывая, что цел и невредим. Вот только забыл, что с волком

боролся и рубаху его попортили свежие кровавые пятна.

– Ванька, ты шо, с медведем поцапался? – пробасил кто-то из друзей моего богатыря. Я не успевала следить за говорящими и мотала головой, не всегда понимая, откуда доносилась та или иная реплика.

Где-то рядом взвизгнул девичий голос, кто-то даже всхлипнул.

Меня буквально смело толпой сочувствующих, тут же окруживших моего спасителя. А я притихла. Сейчас как вспомнят, из-за кого их любимчик ранение получил, возненавидят сразу. Особенно эта... роковая Марьянка. Сестричка, угу. Так я и поверила. Видела её глазищи, жадно высматривающие Ивана возле меня. Сёстры так не смотрят, даже названные.

Так потихоньку отошла к опустевшему бревну. Может, даже тому самому, на котором недавно оставлял меня Иван с узваром. Сейчас бы залпом осушила целую кружку, так пить хотелось.

– Алёнушка, я здесь. Говорить надобно, найди место спокойное, – пропищал вдруг знакомый голос. Я заозиралась, но нигде не заметила огненных перьев. – Не верти головушкой, внутри я. Не выдавай...

Уф, час от часу не легче! С ума схожу, что ли?

Помня о волке, уходить в лес я не планировала. Хватит, нагулялась. Но заметила опустевший уголок полянки, чуть дальше остальных от костра и толпы, которую собрал вокруг себя Иван. Вздохнув, направилась туда.

Как общаться с голосом, я не знала, поэтому молча встала и принялась ждать, когда та сама снова заговорит.

– Алёнушка, знать тебе многое надобно, но здесь не могу говорить. Выдашь себя. Явиться не могу, ослабла сильно, а наша связь ещё не окрепла. Потерпи, родная, я всё расскажу...

– М-м-м, – промычала я и всё же решила заговорить мысленно. – Какая связь? Ты же та жар-птица из леса, да?

– Да, Алёнушка, я жар-птица. Мы – жар-птица.

– Мы? – я едва не спросила вслух. Это что ещё за «мы»?

Тихий вздох был мне ответом. А после птаха добавила:

– Мы. Мы, Алёнушка, теперь последние в этом мире из

славного древнего рода жар-птиц!

Я обессиленно рухнула на ближайшее бревно. К такому жизнь меня не готовила...

– Я всё-всё расскажу, но позже. Когда будешь одна, – пообещала птаха, и в голове моей снова стало пусто. Точнее, там осталась лишь я, без посторонних гостей.

Слова жар-птицы меня сильно напугали. Мало того, что она нас каким-то чудом решила объединить в одно целое, – это полбеды. Но вот быть последней в мире мне что-то совсем не хотелось. Это накладывало слишком большую ответственность на мои плечи. А я же хотела лишь одного – вернуться к себе домой. Надежда на то, что это обморочный бред, почти растаяла. С каждой минутой, проведённой здесь, я всё больше убеждалась, что новый мир реален и опасен. И так просто из него выпутаться у меня не получится.

Интуиция вопила – не отпускать Ивана. Он был единственным, кому я могла довериться. А посему роковые красотки подождут.

Глава 2. Неожиданный визит и разговор по душам

– Пойдём, – из задумчивой прострации меня вывел голос Ивана. За своими переживаниями я не заметила, как мой богатырь смог ловко избавиться от толпы сочувствующих и даже приставучей Марьяны. Сестрички названной, угу.

– Куда? – удивлённо моргнув, спросила я, взглянув в ясные глаза Ивана. Он улыбнулся, показав очаровательные ямочки на щеках.

– Прыгать через костёр, куда ж ещё. Прыгнем вместе?

Я снова моргнула. Вместе? Я не сильна в традициях древних славян, но мне казалось, что за ручку перепрыгивали костёр только влюблённые или подружки. Мы же с Иваном ни первыми, ни вторыми не были.

– Если честно, не хочется, – ответила я, вспоминая, к чему меня привели первые прыжки через пламя.

– Нельзя, – сурово отрезал Иван, и улыбка враз испарилась с его открытого лица. – Только злые колдуньи да нечестивые девки избегают Очищающего костра.

Я нахмурилась. Повисшее между нами молчание говорило красноречивее любых слов. Если я сейчас не прыгну через треклятый костёр, все местные посчитают меня если не злощей ведьмой, то девицей с поруганной честью. А оно мне

надо? Пока не нашла возможность вернуться домой, нужно играть по их правилам. А то ведь, действительно, сожгут, как ведьму на костре. Или то было в Средневековье? Ай, один чёрт, жизни не дадут.

– Хорошо, раз надо, прыгну.

Я встала, отряхнула своё платье-сорочку и, делая вид, что не замечаю руки Ивана, обошла его.

Ну а что? Провоцировать местных барышень на ещё более сильную ревность? Я смертельно устала за эту ночь, столько событий в моей размеренной жизни не происходило... да, пожалуй, никогда. Поэтому добавлять себе проблем хотелось меньше всего.

Я уверенно подошла к небольшой очереди, выстроившейся перед костром в ожидании своего часа сигануть над высоким пламенем. На огромный костёр старалась не смотреть. Сбоку прыгну, где язычки огня поменьше и пониже. Геройствовать я точно не собиралась.

Мыслей в голове не осталось. Внезапно навалилась какая-то апатия. Хотелось поскорее закончить это представление и лечь спать. А там, как в старорусских сказках – «Утро вечера мудренее».

Когда подошла моя очередь прыгать и я уже приготовилась взлетать, мою руку перехватили в крепком захвате. Я успела лишь мазнуть быстрым взглядом по сосредоточенному профилю Ивана, когда он потянул меня вверх, намереваясь перепрыгнуть костёр в самой высшей его точке.

– А-а-а! – только и смогла закричать я, мысленно дав богатырю множество эпитетов восемнадцать плюс. Я не планировала превращаться в живой факел! Очень короткое время живой...

Ноги лизнуло обжигающим жаром. Кажется, ткань моего подола занялась огнём, по крайней мере, так ощущалось. Прыжок длился секунду и целую вечность, а когда мы приземлились с другой стороны костра, я не удержала равновесия и рухнула на Ивана. Думала, что он остановит моё падение – молодой богатырь уже не раз показывал свою силушку. Но в этот раз, движимый инерцией, Иван завалился на спину, и я оказалась сверху, плотно прижатая к разгорячённому мужскому телу его же тяжёлой ладонью.

Сердце так неистово стучало, что я всерьёз испугалась приближения инфаркта.

– Ванька, вы горите! – крикнул кто-то из приятелей Ивана.

Я растерялась. Всё же ощущение жара в ногах не было фантомным воспоминанием, подол моего платья действительно загорелся!

Иван, не будь дураком, среагировал мгновенно. Ловко перевернув меня на спину, он очутился сверху. Ощупав взглядом лицо и грудь, удостоверился, что огонь их не коснулся. Вскочил, дёрнул меня на ноги и, пока я неловко балансировала, пытаясь удержать равновесие, пригоршнями щедро осыпал меня всю пыльной бурой землёй. Всего за мгновение

я из относительно чистенькой русской девушки в белоснежном с вышивкой наряде превратилась в грязную замаранную босоногую цыганку с подпалённым у щиколоток подолом.

Зато цела. И вроде даже без ожогов обошлось.

– Сп-пасибо, – тихо буркнула я. – Наверное...

И громко чихнула.

Тишина, воцарившаяся после предупреждения об огне, взорвалась нестройными смешками, которые вскоре подхватили все присутствующие на полянке.

Я же смотрела лишь на Ивана. Он, отряхнув ладони о штаны, глянул на меня без тени веселья.

– Прости, – сказал он так тихо, что услышать его смогла лишь я. – Забылся. Думал, подхватчу тебя повыше, не зацепит пламя.

Я кивнула. Уж кто-то, а он точно мне зла не желал. Не после того спасения в лесу. Если кому и могла я доверять здесь, то только Ивану.

– Всё хорошо, не переживай, – успокоила я его. – Теперь можно отдохнуть? Или нужно ещё как-то доказать, что я девушка приличная?

Ну, совсем без сарказма не вышло, что поделать. Иван смутился от моих слов, чувствуя за собой вину.

– Только ежели сама пожелаешь... Скоро девки венки пускать по реке будут.

Венки! Точно. Была ж такая традиция.

– Ты же принесла с собой венок? – уточнил Иван, загля-

дывая мне в глаза.

Я невольно коснулась волос на макушке. Мы с подружками мало смыслили в обрядовых традициях. Давно ещё читала, что каждый цветок в венке на Ивана Купала что-то своё значил. Но кто ж всё упомнит? Поэтому сплели из того, что было под рукой, – в основном полевые да лесные цветы. Вот только пока я из одного мира в другой скакала, пока по лесу бегала от волка да за жар-птицей, украшение своё традиционное ожидаемо потеряла.

– Потерялся? – понимающе заметил Иван. Я лишь кивнула. – Не печалься, придумаем что-нибудь. Сейчас схожу к Марьянке...

– Только не к ней, – быстро проговорила я и прикусила губу. Ну вот, опять язык вперёд разума убежал.

Иван несколько мгновений соображал. Смотрел на меня и прикидывал, отчего гостя иноземная так против его сестрицы названной настроена. И, видимо, так ничего и не придумал. Вздохнув, смирился с моей чудаковатостью и примирительно сказал:

– Хорошо, Алеську попрошу. Она девка добрая, жалостливая. Скоря на подмогу.

Я улыбнулась. Алеська так Алеська. Я и без венка бы прожила, но раз тут так чтут традиции, лучше не выбиваться из общества. И без того довольно внимания к себе привлекла.

Иван оставил меня возле пустого бревна, а сам отправился на поиски венка. В этот раз не говорил про то, чтоб никуда

не ходила. Видимо понял, что теперь я точно не сбегу. По крайней мере, сегодняшней ночью. Хватит, набегалась уже.

А с жар-птицей поговорю позже. Уж точно не на этой полянке, где постоянно чувствовала на себе тяжёлые взгляды односельчан Ивана.

Когда мы вышли к берегу реки, совершенно неожиданно для меня открывшейся прямо посреди густого леса, я смогла лишь восхищённо ахнуть. Усталость моральная и физическая отступила перед первозданной красотой природы.

Глубокие воды широкой реки казались чернильными под звёздным ночным небом, и лишь изумительная дорожка света – отражение луны – украшала собой эти тягучие воды. По ту сторону реки угадывались очертания каменистого и совсем не гостеприимного берега. С нашей же стороны к воде вёл мягкий склон с невысокой травой, а у самой кромки реки я заметила гальку. Ну как заметила – едва не навернулась на этой самой гальке и чуть не потеряла венки, который мне с таким трудом раздобыл Иван. Заодно ополоснула лицо и шею от бурой земли, чтобы не совсем уж замарашкой обряд творить.

К слову, венки были настоящим произведением искусства. Пускать его по воде было жалко, но не засушивать же. Я лишь с нежностью погладила неизвестные мне цветы с нежно-розовыми, бархатисто-алыми и белоснежными лепестками. Непосредственно перед опусканием венков в воду девушки закрепляли на своих цветочных украшениях неболь-

шие тонкие свечи, поджигая их лучиной. Мой венок тоже украсили подобным образом, осталось лишь опустить его в реку.

– Боишься? – как чёрт из табакерки, из-за плеча внезапно выскочил Иван.

– Тьфу на тебя, – успокаивая враз взбесившееся сердце, проворчала я. – Напугал!

– Прости, – совсем без вины в голосе ответил Иван. И улыбнулся. – Запускай, Алёнушка. Поглядим, что тебе уготовили боги.

Я огляделась. Не хотелось привлекать внимание к своему венку, но остальные девушки были более расторопными – тихая гладь реки покрылась цветами с огоньками. Чьи-то шли ко дну, едва отплыв от берега, чьи-то, закружившись на месте, останавливались посередине реки, а чьи-то уносило вдаль.

Я пыталась вспомнить значения всех вариантов, но выходило плохо. Кажется, если утонет, знак хороший. Или наоборот?

– Ну же, не робей. – Притихшая было толпа вдруг сконцентрировалась на скромной мне и венке в моих руках. Я снова мазнула взглядом по собравшимся деревенским и поняла, что каким-то образом осталась последней, кто не пустил свой обрядовый веночек по воде.

Да уж, хотела быть незаметной, но то и дело становилась центром внимания. И это они меня с жар-птицей ещё не ви-

дели!

Рука Ивана мягко коснулась моей, подталкивая к воде. Да поняла я, поняла. Вздохнув, склонилась над чёрной гладью реки и осторожно опустила венок на ровную, как зеркало, поверхность.

Стоило нежным лепесткам коснуться воды, как вдруг спокойный тихий штиль смыло неизвестно откуда взявшимся ураганом. Сильный порыв ветра подхватил венок, в одно мгновение донеся его до центра реки, и закружил со страшной силой, едва не потушив огоньки. Тоненькое пламя то и дело сдувало, а я гадала – задует с концами или нет? Но острые пики огоньков вновь вставали прямо, чтобы в следующую секунду снова бороться со стихией. Словно невидимый смерч кружил мой венок в центре реки, заставляя его временами почти полностью уходить под воду.

Уж не знаю, сколько прошло времени, пока все замороженно следили за происходящим на реке. Даже разговоры умолкли. Вдруг новый порыв ветра едва не снёс меня в воду, с силой толкнув в спину. Если бы не Иван, плюхнулась бы прямо в забурлившую у ног реку!

Я лишь на мгновение потеряла из виду свой венок, а когда вновь обратила взор к центру реки, то уже не нашла своё цветочное украшение. Неужели утонул?

– Плохая примета, – произнёс чей-то старушичий голос. Я обернулась, но не нашла того, кто сказал эти слова.

Как только мой венок исчез из поля зрения, ветер стих,

а гладь реки снова успокоилась. Будто и не было только что локального урагана.

– Не переживай. – Тяжёлая рука Ивана легла на моё плечо. – Глупости это всё. Бабы выдумки.

– То-то все так готовились к обряду, – невесело усмехнулась я.

– Не бери дурного в голову, – уже менее уверенно добавил мой богатырь. – Примета, может, и дурная, да мы сами куём свою жизнь. Боги лишь путь указывают да предостерегают.

– Скажи, что за примета такая? Признаться, я не совсем поняла, что случилось с моим венком...

– Утоп он, – вместо Ивана ответила подошедшая к нам старая женщина. Голос показался похожим на тот, что предрёк мне дурное. – Страшное ждёт тебя, девица. Недуг какой, жизнь одинокая аль и вовсе смерть скорая.

«Вот и доигралась, Алёнка. Повеселилась, называется...» – подумала я мрачно и посмотрела на небо, где в чёрном бархате ночного неба сияла равнодушная луна.

– Пойдём, – тихо позвал меня Иван, взяв за руку, и я покорно поплелась за ним. Ощущение безысходности снова прибило к земле, лишив всякого желания бороться и сопротивляться неминуемому року.

* * *

– Конь? – громко воскликнула я, когда Иван, вопреки мо-

им ожиданиям, повёл меня не в сторону деревни, а на какую-то очередную поляну, где возле дерева был привязан огромный белый конь. Именно огромный, словно сошедший с картин про богатырей. Обычная лошадь таких молодцев просто не выдержала бы.

– Богатырский жеребец! – вместо Ивана мне ответил... сам конь?

Я даже глаза протёрла и уши проверила. Не слышалось?

– Белояр, ты пугаешь Алёнку, – по-доброму пожурил своего товарища Иван.

А я просто превратилась в статую самой себя. Ещё от говорящей жар-птицы не отошла, а тут мне уже лошадь подсовывают, разговаривающую на человеческом языке!

– Он... говорит? – не знаю зачем, уточнила я.

– Он здесь стоит и всё слышит, – фыркнул конь. – И может сам за себя ответ держать. Белояр я, конь богатырский.

– Оч-чень приятно, – ответила я совсем по-современному, растерявшись. Благо мою оговорку если кто и заметил, то мысли оставил при себе.

– Ты небось устала, – взъерошив волосы на своей голове, вдруг смущённо сказал Иван. – Вот я и решил довести до деревни.

Я кивнула. Меньше говорить – больше слушать.

А Иван тем временем снова расслабился. Подняв меня за талию, помог усесться на красивое седло и, взяв в руки поводья, неспешно повёл Белояра по одной ему ведомой тро-

пинке.

Пока мы с Иваном молчали, собираясь с мыслями, Белояр решил взять поводья беседы в свои... копыта.

– Откель пожаловала к нам, красна девица? С благими намерениями аль лихое чего задумала?

– Белояр! – предостерегающе шикнул на коня Иван, а я улыбнулась. Животным, как и маленьким детям, позволительна некоторая бестактность и прямолинейность.

– С благими намерениями, – повторила за конём его же формулировку. Надо привыкать к старорусской манере.

– Ну коли так, то и мне приятно, – соизволил запоздало ответить теперь уже в моей манере Белояр, возвращая любезность и показывая свой немалый ум и непростой характер. – Только знай, я всё одно глаз с тебя не спущу, пока уверен не буду, что наша ты. Меня ясными очами да устами сахарными не очаруешь, как некоторых.

Иван неожиданно поперхнулся. А я снова улыбнулась. Этот конь богатырский – та ещё заноза в одном месте, но мне уже нравился.

Мерное покачивание лошадиного крупа меня укачало, будто колыбель. Несколько раз ловила себя на попытке отключиться и с усилием заставляла глаза оставаться распахнутыми.

– Вань, она сейчас грохнетя, – совсем не церемонясь, сообщил Ивану Белояр. А у меня даже сил возражать не осталось. Действительно грохнусь.

– Стой, – тут же среагировал Иван, а через мгновение я ощутила, как сзади появилась приятная опора. – Расслабься, не уроню.

И я позволила усталым мышцам окончательно расслабиться, оперевшись спиной на каменную грудь богатыря. Одна рука Ивана легла вокруг моей талии, удерживая от падения вбок, а вторая поудобнее ухватила поводья.

– Тихо ступай, никто не гонит, – полушёпотом приказал коню Иван. В другое время я бы подшутила над богатырём,

что ему настолько понравилась моя компания, что не спешит домой, растягивая поездку. Но вместо этого зевнула и прикрыла глаза, полностью отдаваясь мягким укачиваниям лошади.

* * *

И я всё же уснула. Момент, когда мы прибыли в деревню, я благополучно пропустила. Очнулась, лишь когда оказалась у Ивана на руках.

– А где?..

– На конюшне, – безошибочно угадав, что я спрашивала о Белояре, ответил Иван. – А мы в избе моей.

Я вздрогнула, сон как рукой сняло. Хотя я и из века современного, но «входить» в дом едва знакомого мужчины на его руках глубоко ночью для меня было слишком.

– Отпусти... пожалуйста.

Иван не стал возражать или увиливать и сразу выполнил мою просьбу, бережно поставив на ноги.

– Погоди, свечу зажгу, ушибёшься.

Я застыла там, где меня оставили, и заозиралась. В избе была кромешная тьма, лишь из небольшого квадратного оконца на бревенчатый пол падал бледный свет луны.

Спустя миг мягкий тёплый свет свечи озарил сосредоточенное лицо Ивана. Поймав мой взгляд, он ободряюще улыбнулся.

– Не бойся, Алёнка. Не дурак я, оставлю тебя в доме одну, я сам на конюшне переночую, с Белояром.

Мне было неловко выгонять хозяина из его же избы, но возразить почему-то не посмела.

– Простыни чистые в сундуке найдёшь. – Иван указал своей направлением, где я увидела очертания большого деревянного сундука. – Ну бывай. Завтра порешаем, куда девались твои сопровождающие, а пока ложись. Утро вечера мудренее.

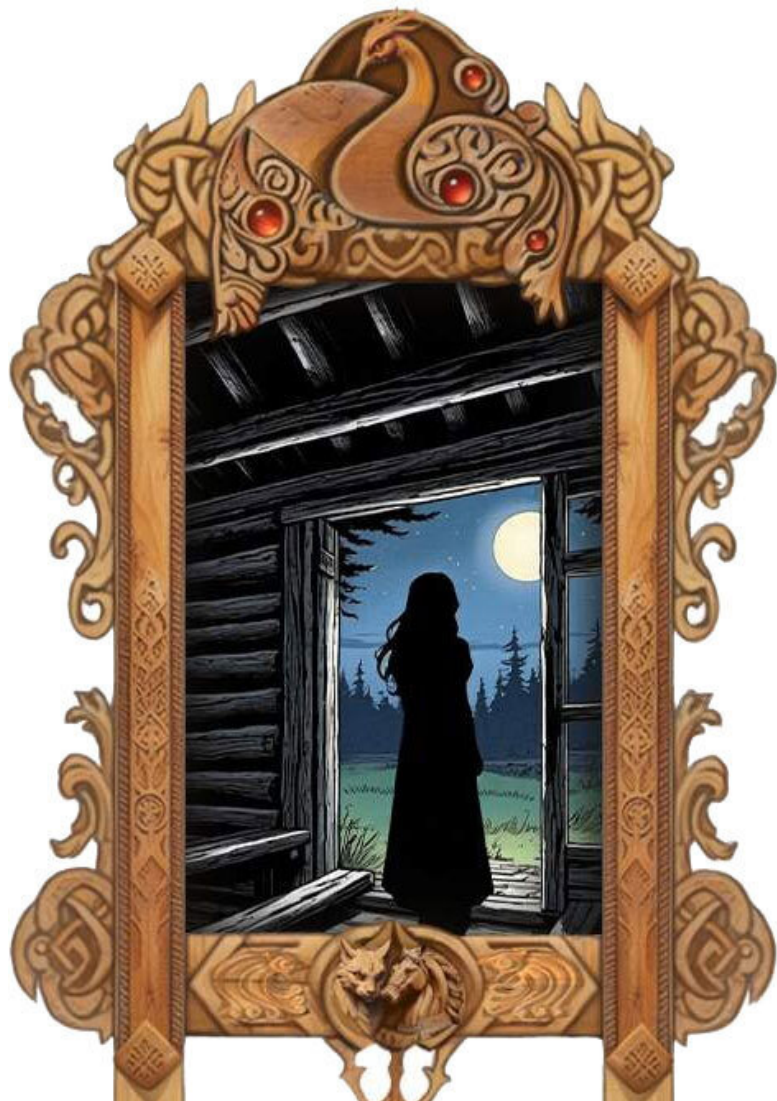
И, дабы не смущать меня, Иван тут же ушёл, тихо притворив за собой двери сеней.

Я вздохнула, взяла оставленную хозяином на краю стола свечу в руки и подошла к окну. Как раз сейчас было видно, как мой многократный спаситель открывал двери конюшни. Не обернувшись на избу, он зашёл внутрь и закрыл за собой, исчезнув в темноте.

– Что ж, – проговорила я едва слышно. – Как говорится в русских сказках, утро действительно вечера мудренее. Надо бы хорошенько выспаться. Кто знает, когда в следующий раз мне дадут отдохнуть на постели с чистыми простынями.

На всякий случай мысленно позвала жар-птицу, но та не отозвалась. То ли сил не накопила, то ли я неправильно звала. Решив оставить этот вопрос до утра, я взяла первую попавшуюся простыню из сундука, застелила тоненький матрас, взбила подушки и легла. Сон сковал мгновенно, тем страшнее было внезапное пробуждение.

Уж не знаю, что именно заставило меня проснуться: тихий звук чужих шагов или интуиция. Так или иначе, распахнула я глаза как раз в тот миг, когда двери сеней бесшумно открылись и в предрассветном тумане на пороге нарисовалась хрупкая девичья фигурка.

«Вот так сюрприз!» – подумала я и в следующий миг громко взвизгнула. Потому что девица в один шаг очутилась возле кровати и, обхватив меня за плечи, жарко зашептала мне прямо в губы:

– Иванушка, свет очей моих, я пришла!

Когда первый шок прошёл и у меня, и у девицы, наш нестройный визг разом прекратился.

Мои глаза, уже привыкшие к ночному мраку, наконец смогли опознать неожиданную гостью.

– Марьянка? – изумлённо прошептала я, узнав черноволосую красотку. – Ты?

– Молчи, – прошипела по-змеиному «названная сестрица» Ивана. – Расскажешь кому – порчу нашла!

Я нарываться не стала, хотя на языке вертелось несколько острых словечек. Рано, Алёна, показывать свой норов местным. Пусть лучше думают, что я послушная дурочка, которую легко запугать.

Кивнув, лишь продолжала смотреть во все глаза на неудавшуюся соблазнительницу. Это что же получается, раз Иван считал, что интереса женского к нему от Марьяны не

было, то я своим внезапным появлением в этом мире спровоцировала переход от невинной стрельбы глазками к... постели? О времена, о нравы!

Додумать свою мысль я не успела. Марьянка ужом выскользнула из избы, а в следующее мгновение на пороге возник заспанный Иван со сверкающим в лунном свете мечом наперевес. Моментально найдя меня взглядом, он спросил:

– Алёнка, ты в порядке?

И, не дожидаясь моего ответа, быстро осмотрел избу. Меч осторожно положил на край стола и подошёл ко мне вплотную да ладонями провёл по плечам, рукам, ощупывая. Лишь заметив, что я цела и продолжала молчать, отступил назад на шаг и смущённо добавил:

– Ты прости, что я так, по-простому, без стука. Дверь распахнутую увидел, крик услышал да испугался, что беда приключилась... У нас в деревне спокойно всё, да кто ж знает, откель лихо заявиться может.

– Всё хорошо, – ответила я, обхватывая себя руками. Вдруг стало зябко. Из распахнутых дверей потянуло холодным ветерком. Лето-то оно лето, но я стояла в одном тонком сарафане, а босые ноги чувствовали все прелести остывшего за полночи пола. И страх этот... точнее, последствия.

Иван помялся с мгновенье, а после распахнул руки и обнял крепко-крепко, прижав к себе.

– Что стряслось, Алёнушка? Али сон дурной привиделся?

– Угу, – тихо прошептала я, нежась в таких приятных и

надёжных объятиях. Хоть и Марьянкой гость незванный оказался, а всё равно сердце испугаться успело.

Краем глаза уловила какое-то движение в окне. Скосила взгляд и заметила мазнувшие по раме чёрные волосы. Вот же ж... если Марьянка увидела – а она точно увидела – наши трепетные объятия с Иваном, хана мне. Как есть изведёт. И проклянёт...

И ведь не скажешь ему о визите его сестрицы названной. Да и в намерения её он не поверит...

Да уж, дилемма.

Съедая себя изнутри всё множившимися проблемами, я не заметила, как объятия изменились. В руках Ивана появилось больше напряжения, а грудь начала вздыматься чаще, выдавая волнение.

Наверное, это меня и отрезвило. Всё же не с любимым обнимаюсь, а с молодцем, которого только вечером впервые увидела. Я положила руку на грудь Ивану, чтобы мягко отстраниться, и с трудом удержала ладонь на горячей коже молодого мужчины. Током прошибло, будто оголённого провода коснулась.

Иван отреагировал сразу же. Едва заметно вздохнув, разжал руки и сделал шаг назад.

– Я... пойду. Спи, Алёнушка. А я...

Неопределённо махнув рукой, он развернулся. Не оборачиваясь, схватил со стола свой меч да в три широких шага оказался за порогом избы, миновав разом и комнату, и сени.

Словно пришибленная, я села на край кровати и без единой мысли уставилась в окно. Спать? Да я после такого точно не засну!

– Алё-о-о-онушка, – вдруг пропищал знакомый голосок. Ну вот и компания подобралась, чтобы скоротать время до рассвета.

– Жар-птица? – на всякий случай уточнила я, и передо мной тут же явилась златокрылая птаха. Живая, невредимая и вполне себе бодро машущая крыльями.

– Да. – Аккуратная головка на тоненькой шейке изящно наклонилась. – Пришло время.

Я устроилась поудобнее и приготовилась слушать. Жар-птица мягко опустилась на матрас возле меня. Роскошный хвост обернулся вокруг нас, объединив в единое целое.

– Последняя я из некогда многочисленного рода, – начала свой рассказ птаха. – Род жар-птиц издревле стоял на страже равновесия миров, не позволяя весам склониться ни в сторону мрака, ни в сторону света. Ибо во всём важна мера, всё должно быть едино в противоположностях.

Я лишь молча кивала, превратившись в студентку-первогодку, слушающую захватывающую лекцию.

– Так длилось на протяжении веков. Почитаемые людьми и уважаемые богами, жар-птицы свободно путешествовали между *явью* и *навью*, негласно считаясь посланниками воли богов. Вот только с течением времён люди изменились. Появились вставшие на сторону зла нечестивцы, презревшие

древние устои и верования. И с годами их становилось всё больше, а настроения их всё более воинственны. И случилась первая битва, в которой жар-птицы, исполняя волю свыше, встали на защиту древнего мира и *равновесия*. Славно сражались воины огненные и разгромили войско лихое. Но битва эта породила последующую, вызвав скрытый гнев и злобу уцелевших отступников. Наученные горьким опытом поражения, они затаились, по крупицам собирая новое войско. А к ним присоединились и силы Тьмы, посчитавшие, что чаша весов равновесия склонилась в сторону Света. Открылись порталы межмирья, и пришли маги из иных миров, обладающие силой несметной. Проникая, как отравы, в умы и сердца людей, скрываемое от всех силами Тьмы, разрасталось семя раздора скрытно и тайно, плодя верных приспешников, оставаясь скрытым от хранителей до поры до времени. Смешиваясь с кровью местных, пришлые маги увеличивали свою армию, возвращая боевую мощь для финальной битвы с силами Света.

Я вздрогнула. Кажется, мы подобралась вплотную к трагическому моменту, объясняющему, почему передо мной сидела последняя из рода жар-птиц.

– Иномирные маги постарались на славу, – вздохнула пернатая. – Сила в них была страшная, отравляющая сердца наших воинов. словно ядовитые стрелы, проникали в грудь жар-птицам их заклинания, пронзая насквозь, а после в сердцах появлялась чернота. Она, как топь, поглощаю-

щая чистые воды, разрасталась изнутри, гася истинное пламя каждого из нас.

Я невольно передёрнула плечами, в красках представляя муки героических воинов.

– И что же боги не пришли на помощь своим посланникам? – спросила я, не понимая, почему тёмная сторона принимала активное участие в битве, а светлые отсиживались где-то у себя в божественных чертогах.

– *Гармония и равновесие*, – повторила жар-птица тоном, каким разговаривают с несмышлёными детьми. – Нельзя богам вмешиваться в жизнь смертных. Для того род жар-птиц и стоял на страже порядка, чтобы боги могли следить за миром, но не влиять на него прямо.

– Но ведь тёмные...

– Нарушили *равновесие*, – кивнула птаха. – Но ежели один пошёл против традиций, разве должен и второй ступить на этот разрушительный путь? Во что тогда превратится мир, ежели сами боги выйдут из сада Ирии и начнут великую битву?

– Рожки да ножки, – ответила я. Представлять подобное даже гипотетически не хотелось. – Но ведь равновесие уже было нарушено вмешательством иномирных магов...

– Иногда нужно проиграть битву, чтобы выиграть войну, – философски заметила жар-птица.

– Даже такими жертвами? – искренне удивилась я. – Ведь... они же все погибли! Ну, как я поняла... Они же погибли? Остальные жар-птицы.

– Да, – нехотя кивнула птаха. – Не сразу. Сначала пришлось отступать, чтобы сохранить остатки сил. Тьма была довольна. Она получила, что возжелала – души и сердца людей. Не гляди на меня так. Вижу я, не понимаешь ты сути. Да и немудрено, ты же пришлая...

– Ты знаешь? – вмиг похолодела я, тут же забыв о далёких воинах. Эта тема касалась меня напрямую и была важнее трагической истории этого мира. – Но... почему?..

– Почему выбрала тебя? – верно угадала мой вопрос жар-птица. Я кивнула, хотя внутри всё заледенело. Это я, дура наивная, думала, что мой секрет никому не известен, а оказалось, что в любой момент меня могли сдать... А уж после истории с пришлыми магами вряд ли к иномирцам здесь было хорошее отношение.

– Моя искра... она умерла. – Головка птахи совсем поникла. Если бы не внезапно скользнувший по жар-птице луч лунного света, я бы и не заметила, как из больших глаз по острому клюву скатилась крупная слеза, сверкнув, будто чистый алмаз.

Торопить пернатую продолжать рассказ я побоялась. Так и замерла, ожидая, пока она сама обо всём поведает.

– И я бы могла погибнуть вместе с ней, но боги не дали.

Нельзя, чтобы мир лишился последней жар-птицы. На мне груз великий – возродить славный род, вернуть *равновесие и порядок*... А потому и привели тебя ко мне из иного мира. Искру, способную принять наследие рода. Но ежели не пришла бы на зов мой, то даже боги ничего не смогли бы сделать, и род жар-птиц угас бы навеки...

Я вздрогнула. Это что же... я могла вот так по незнанию взять и поставить крест на миссии, возложенной на меня самими богами? Жуть какая! Могли бы и предупредить, что ль...

– Не могли, – вздохнула жар-птица, отвечая на мои мысли. – Говорила же я тебе, нельзя вмешиваться им в течение жизни смертных.

– Засада, – проворчала я. – И что теперь делать?

Жар-птица взмахнула крыльями, взлетела под потолок и опустилась мне на колени. Я машинально начала гладить огненную птаху, будто кошку.

– Учиться, Алёнушка. Познавай мир наш, людей наших. Впитывай мудрость предков, силу Рода. А судьбинушка сама тебя найдёт.

– А ты?

– Я буду скрываться. И ты никому обо мне не говори. Рано людям знать, что жар-птица вернулась. Охота начнётся страшная на тебя, Алёнушка. А мы ещё слабы, чтобы постоять за себя.

– Охота?

– Кажется тебе, что всё успокоилось? – склонив головку, спросила жар-птица. – Вот только это морок. Маги не ушли, а лишь затаились. Мы с тобой – единственное оружие супротив зла. Только сила жар-птицы способна вернуть в мир *равновесие и гармонию*.

Хотела было возразить птахе, что не видела вокруг никакого зла, ну кроме Марьянки-змеюки, но прикусила язык. Кто ж говорил, что зло будет явным? За столько лет оно сроднилось с людьми и их бытом, затихло, скрылось за личиной добра. Мне ли не знать, как часто носят маски власть имущие? Да, в нашем мире магии не было, но вечная борьба добра и зла никуда не делась. Лишь методы изменились.

– А теперь спи, – приказала жар-птица, коснувшись моего лба своим крылом. – Утром в путь-дорожку собираться. С Иваном поедешь.

Я зевнула и упала на подушки. Хотела спросить, куда это я должна ехать и почему именно с Иваном, да и не говорил он, что уезжать собирается, но крепкий сон сморил меня, укутав бархатной темнотой, оставив все вопросы без ответа.

Глава 3. Начало пути

Утро наступило внезапно, обрушившись на меня оглушительным «Ку-ка-ре-ку!» и лаем дворовых собак. Несколько мгновений я сопротивлялась неминуемому, наслаждаясь послевкусием приятного сна. Потянулась, вдохнула ароматы избы. Улыбнулась, почувствовав себя дома, у бабушки в деревне. И когда это я успела приехать только? Вроде с девочками собирались отметить Купалу, а потом...

Воспоминания шумной волной обрушились на моё беззащитное в рассветном мареве сознание.

Жар-птица!

Иван!

Боги!

Я же в другом мире!

И даже будто слышала хрустальный звон, с которым разбилась последняя надежда на то, что просто сплю или попала в кому и вижу чудные галлюцинации.

Снаружи послышался размеренный стук топора. Я вздохнула. Очевидно, Иван с утра пораньше решил заняться домашними делами. Это городские могут в выходные отлёживаться до обеда, а деревенские каждый божий день ни свет ни заря встают. Хозяйство обязывает. Скотине не объяснишь, что хозяин вчера хорошо гульнул и хочет отдохнуть.

Я снова зевнула, вытянула руки над головой в сладком по-

тягивании и опустила ноги на пол. Холодный ночью, сейчас он приятно освежал прохладой, но не морозил до костей.

Расправила своё изрядно помятое после постели платье-сарафан. Хорошо, конечно, что оно такое свободное, что заменило мне ночнушку, но теперь как-то стыдно показаться на люди. А утюга привычного я здесь точно не найду.

С содроганием вспомнила изображения из старых энциклопедий огромных чугунных утюгов, «работающих» на раскалённых углях. Мамочки, как жить-то в таких условиях? Следом догнали мысли про стирку, уборку, готовку пищи...

Я даже застонала вслух. Как я справлюсь без привычных благ цивилизации? У нас даже в деревнях был и свет, и вода исправно текла по трубам, и прочие бонусы техногенного мира. А здесь...

Почти полностью поддавшись панике, я мотнула головой. Нет. Не думать. Иначе сойду с ума.

Оглянулась на кровать. Надо бы убрать за собой. Аккуратно сложив простыни, я положила их на край постели, не зная, куда правильнее девать использованное бельё. И направилась к выходу.

Стоило выйти из сеней во двор, как свежий ветерок нежно овеял лицо, заставляя улыбнуться. В нежных розовеющих лучах восходящего солнца посреди двора в одних штанах коллол дрова Иван. Я невольно залюбовалась отточенными движениями сильных рук. Ладно работал, глазу услада.

Ох, уже и мысли пошли на старорусский манер. Хотя...

Так даже лучше.

– Утра доброго, Алёнушка, – увидев меня, тут же поздоровался Иван. – Хорошо ль спалось тебе?

Врать, конечно, плохо, но расстраивать радушного хозяина не хотелось. Широко улыбнувшись Ивану, я кивнула.

– Хорошо, благодарствую, – а потом смущённо добавила: – Иванушка, мне помощь нужна твоя... опять...

– Что-то приключилось? – Тут же отложив топор, мой благородный богатырь в один шаг очутился возле меня.

– Ничего такого, – поспешила успокоить его я. – Вот только... Одежды у меня сменной нет. А это платье... сам видишь...

Я развела руками, показывая изрядную помятость светлой ткани, к тому же довольно сильно перепачканную землёй и чёрной копотью костра. Это ночью думать об одежде некогда было, а в лучах солнца вид у меня был, прямо скажем, не ахти.

Судя по понимающему взгляду Ивана, он тоже пришёл к этому выводу.

– Не волнуйся, сейчас к нашим девкам схожу, помогут. Марь... Алеську попрошу, – сказал Иван, а я невольно прониклась ещё большей симпатией к высокому светловолосому красавцу. Хоть и не понимал природы моего неприятия его «названной сестрицы», однако помнил и не хотел доставлять неудобств.

Иван накинул на плечи рубаху и отправился куда-то прочь

со двора, а я так и осталась на пороге сеней, не зная, возвращаться в избу или ждать на лавочке, расположенной как раз под окошком избы.

Рассудив, что в ногах правды нет, я всё же устроилась под окном и, оперевшись спиной о полукружья бревенчатой стены, прикрыла глаза.

Сколько прошло времени, не знаю. Часов у меня с собой не было, а по солнцу ориентироваться я не умела. Не висит над головой – значит, не полдень. А уж конкретика – это не про меня.

– Алёнушка, я привёл Алеську!

Я вздрогнула и открыла глаза. В нежном контражуре солнечного света появились две фигуры – Ивана и Алеськи, которую я ещё со вчерашней ночи запомнила. Хорошая девушка, светлая. Пшеничные косы в кулак толщиной, открытое улыбающееся лицо с едва заметными веснушками, глубокие ясные глаза цвета молодой травы. Вообще здесь все были на удивление красивыми. Я не встречала ни одного рябого или кривого лица, даже старики и те несли печать мудрости и благородной привлекательности. Наверное, дело было в глазах. В них лучился божественный свет, умиротворение и спокойствие.

– Доброго здоровья, Алёнушка, – улыбнулась мне Алеська и приложила к груди руку, склонив голову. Ох, это как мне отвечать? Тоже поклониться?

– И тебе доброго, – смутившись, ответила я, неловко по-

вторив жест девушки. Иван подозрительно усмехнулся. Я что-то сделала не так?

– Пойдём, помогу переодеться, – прервала неловкую паузу Алеська и зашагала в сени. Я бросила последний взгляд на Ивана и пошла за девушкой. Ох, неприятно это, когда не понимаешь, как вести себя надо в обществе. Обычай, традиции, элементарные слова...

Я не была привычна к тому, чтобы меня кто-то одевал. Но тут пришлось подстроиться, ибо как правильно надевать все эти вышитые обережными знаками элементы, я не знала.

Нижняя рубаха, верхнее платье, юбка, поясок... Я просто чувствовала себя манекеном, пытаюсь запомнить движения девушки, но чувствовала, что с первого раза всё равно не получится.

Затем Алеся усадила меня на табурет и принялась расчёсывать мои спутавшиеся волосы.

– Ох, краса, – приговаривала она, пока орудовала гребнем. – Чистая медь! Богатство-то какое, словно огонь первозданный! А нежные! Будто пух лебяжий!

Мне даже стало неловко. Тем более по сравнению с косами самой Алеськи, да и той же Марьянки, мои казались второсортной подделкой. Тоньше, короче и в целом как-то менее здоровые. Но моего мнения девушка не разделяла, искренне восхищаясь и цветом, и мягкостью волос.

Алеся заплела мне одну косу на затылке, украсила её расшитыми лентами и с довольным видом отступила назад, лю-

буясь плодами рук своих.

– Хороша Алёнка, ай хороша! – воскликнула девушка, всплеснув руками и заставив меня снова смутиться. Я же чувствовала себя дурнушкой в этом поселении красивых людей, но, видимо, они считали иначе.

– Ванька совсем головушку потеряет, – хихикнула Алеська и подтолкнула меня к выходу. – Беги, покажись ему.

В новом наряде я чувствовала себя не совсем обычно. Обилие слоёв одежды сковывало движения, юбки в самый пол не давали привычной свободы шага, но я спрятала гнетущие мысли в самый уголок сознания. Успею ещё наревестись о судьбе своей горькой, забросившей в доцивизизованные времена.

Стоило мне выйти на порог сеней, как Иван, коловший дрова, снова отложил работу да так и застыл, глядя на меня во все глаза. И читала я в его взгляде искреннее восхищение. Такое, что аж жаром обдало с головы до пят.

– Алёнка... – протянул он, словно замороженный.

– Алёнка, Алёнка, – поддакнула появившаяся из-за моего плеча Алеська. – Ванька, поклади топор. Ходь со мной, соберу в дорогу сумку. Пирогов вчера напекла да узвара дам в дорожку.

Дорожку. Меня словно молнией прошибло. Точно, мне же с Иваном надо!

– Ты иди, а я опосля подойду, – не отрывая от меня глаз, проговорил Иван. Алеська звонко рассмеялась и упорхнула

с крыльца в сторону домов.

Ну вот, отличный момент, чтобы напроситься в компанию.

– Иван...

– Ваней кличь, – поправил меня богатырь. – Чай, не чужие.

Э, как быстро мы породнились! Ну да ладно, мне же самой так лучше. Кроме Ивана я тут никому не могла доверять, даже Алеське с её открытым расположением и добротой.

– Мне с тобой надобно, – потупив взгляд, сказала я.

– Дык я и собирался с тобой идти, – удивился Иван. – Я же обещал твоих найти. А мне всё одно в путь-дорожку идти, вот сразу всё и справим.

Вот я дурында. Молча кивнула и улыбнулась. Надо больше молчать и чаще слушать. А то опять как ляпну...

Собирали в дорогу Ивана всей деревней. Мне даже начало казаться, что я чего-то не знаю о своём спасителе богатырском. Решила позже, когда будем вдвоём, попробовать разузнать о нём побольше.

Вот только мои планы про «попозже» и «вдвоём» были неожиданно нарушены.

Когда уже, как мне казалось, закончили все прощания и Иван повернулся ко мне, чтобы помочь забраться на подозрительно молчаливого Белояра, из толпы провожающих вышла Марьянка. С маленьким узелком в руках.

– Марьянка? – обернулся к девушке Иван.

– Я с вами, – широко улыбнувшись Ивану, ответила черноволосая змеюка. И в мою сторону глазами стрельнула так, будто испепелить на месте желала. Ну вот, а я так надеялась на покой и мир в пути!

– Зачем тебе? – совершенно искренне не понял манёвра названной сестрицы мой богатырь. – Ежели дело есть в соседнее село, дык я сам справлю. Только кажи, чего надобно?

– С вами пойду, – упрямо заявила девица. – Али ты не рад? Неужто помешаю?

– Тьфу на тебя, – беззлобно воскликнул Иван. – Скажешь ещё. Ну коль надобно, идём. Только как же Белояр всех увезёт-то?

– Белояр не увезёт! – фыркнул конь и демонстративно копытом в пыль дорожную ударил. – Чай, не тягловая кобыла!

Я едва сдержала смешок. Мы с Марьянкой, будь она неладна, вместе весили как один Иван в полном воинском облачении – вдвоём спокойно могли бы уместиться на широкой спине богатырского коня, – но спорить с Белояром не хотелось. Потому как находиться в одном седле с черноволосой я желала меньше всего. Уж лучше пешком топать.

– Белояр! – шикнул на боевого товарища Иван.

– Что сразу Белояр? Понасобирал рать девичью, а спину гнуть мне! Сам таскай своих девиц, коль ума определиться боги не дали!

Мысленно я даже местами была согласна с белогривым. Кажется, уже все вокруг замечали отнюдь не сестринский

интерес Марьяны к Ивану, лишь он один оставался слепцом наивным.

Неловкий момент сгладила Алеська. Эта бойкая девушка мне определённо нравилась, жаль, что так мало времени общались. Уверена, она могла бы стать мне если не подругой, то как минимум доброй наставницей в новом чужом мире.

– Ванька, не глупи. Поклажу на Белояра, а сами ступайте подле, всё одно приноравливаться к шагу придётся. А кто устанет – на коне отдохнёт, и снова в путь-дорожку. Вам же недалеко втроём идти, Марьянка в соседней деревне сойдёт.

Почесал затылок Иван и кивнул, улыбнулся Алеське.

– Верно ты рассудила, благодарствую.

Алеська кивнула и, подлетев, будто бабочка, размашисто обняла Ивана.

– Ну всё, идите. И без того затянулось прощание. А у нас ещё делов до самой ноченьки немерено!

И снова все вынуждены были согласиться с Алеськой.

Быстро попрощавшись, Иван в пояс поклонился провожающим. Марьянка тоже присоединилась к ритуалу поклонов, пришлось и мне изобразить нечто похожее. Благо говорить мудрёно не пришлось – Иван за всех витиеватую речь оформил да зашагал по дороге, придерживая коня за поводья.

– Я за тобой смотрю! – прошипела едва слышно Марьянка и эффектным жестом отбросила за спину косы. И, конечно же, совершенно случайно хлестнула меня волосами по плечам. Да-да, я так сразу и подумала.

Я вздохнула. Ничего, Алёнка, крепись. Немного терпения, а потом Иван весь мой будет. Ну... сколько вместе идти придётся, жар-птица указаний на этот счёт никаких не давала.

Пришлось ускориться, чтобы догнать Ивана, который будто совсем забыл, что позади него топают две девицы.

– Ванюш, ты бы шаг поумерил, – словно озвучивая мои мысли, сладко проворковала змеюка. – Чай, не по бранному полю идём.

– Ой, быстро, да? – спохватился Иван и на меня почему-то посмотрел. – Алёнушка, не поспеваешь?

Я ясно услышала скрип зубов Марьянки. И, видимо, не только я. Потому как внезапно в диалог решил вступить и конь богатырский:

– Иванушка, ты бы повнимательней был к девицам красным, а то чую, битва не за горами.

– Какая такая битва? – не понял толстых намёков Белояра Иван. А мне лишь осталось картинно закатить глаза. Ну не мог он быть настолько наивным!

Может, притворялся?

– Совсем ослеп, бедолага, от счастья своего. У самого носа настоящих поляниц не видишь, – фыркнул Белояр и демонстративно вбил бурую пыль в землю копытами.

Поляниц? Надо запомнить и у жар-птицы разузнать, обозвал богатырский конь нас с Марьянкой или похвалил.

– Ох, Белоярушка, вумный какой! Ничего-то от тебя не

сокроешь, не упрячешь, – засмеялась Марьянка, а я лишь нахмурилась.

Точно, первым делом у жар-птицы всё про поляниц узнаю!

Иван сохранял сосредоточенный и даже какой-то суровый вид. То ли не в том настроении был, чтобы шутить, то ли думы какие важные думал.

Я тоже не знала, о чём можно говорить, пока рядом присутствовала черноволосая змеюка. Поэтому какое-то время мы шли в гнетущей тишине, нарушаемой лишь цокотом копыт по сбитой дороге.

– О чем ты, Машенька, плачешь,
О чем ты слёзы льешь?

Я даже сбилась с шага, когда услышала, как Белояр затянул заунывную песню. А конь, будто и не заметив эффекта, который произвёл, продолжал горланить во всё своё мощное горло:

– Ах, как же мне не плакать,
Да как не тужить?
Ах, не велит мне матушка
На улицу ходить...

– Белояр, довольно, – перебил скакуна Иван.

– Чёй-та довольно? – встряхнул гривой конь. – Хорошая песня, душевная...

И тут же продолжил с усиленным рвением, пока никто ему рот не заткнул снова:

– Заказала красной девице
Молодца любить,
Ах, что молоденька дружка,
Холостаго, неженатаго...

– Белояр! – рыкнул Иван, выходя из себя. Я лишь с интересом наблюдала за происходящим. Да, песня была, мягко говоря, неподходящей для дороги. Тягучая, плаксивая, заунывная. Слышала я её впервые, но тоска накатила сразу такая, что хоть ложись наземь да умирай от безысходности. Марьянка же с первой строки текст признала, – я заметила это по её сверкнувшим недобрым огнём глазам. Узнала и явно не обрадовалась. Ивану песнопения Белояра тоже не зашли. Так для кого, а главное, для чего конь устроил это представление?

Пока я размышляла, белогривый с упрямством осла под яростное пыхтение хозяина и Марьянки спел ещё несколько куплетов.

– И как же мне не плакать,

И как мне не тужить?

Знать, судьба такая мне —

С молодцем не жить!

– торжественно закончил Белояр, и я поняла, кому адресовалась песня. Да и некоторое сходство имён могло натолкнуть на правильную мысль. Я не знала наверняка, но интуитивно чувствовала, – не любил Белояр Марьянку. По крайней мере, не видел её в роли зазнобушки своего всадника.

И песню эту он выбрал именно неслучайно. Недвусмысленно намекая, что в этом озере рыбку Марьяна не поймает.

– Я предупредал, – хмуро сказал Иван и, резко развернувшись, схватил Белояра за морду. Сжал челюсти коня руками, и вдруг я увидела... Нет, быть того не может! Наверное, солнце напекло голову... Ну не могло же на самом деле такого быть, чтобы русский богатырь колдовал? А иначе, чем колдовство, обозвать происходящее у меня язык не поворачивался. Искрящиеся золотистые нити обмотали нос и подбородок коня, лишив того возможности открывать рот. И петь. И говорить.

По изумлённому и негодующему взгляду Белояра я поняла, что подобная выходка Ивану не была свойственна. Неужели из-за Марьянки так разозлился?

– Иванушка, не стоило с ним так сурово, – мягко пожурела Ивана Марьяна, а я непроизвольно передёрнула плечами. От приторного сахара в речах названной сестрицы Ивана

вполне мог развиваться диабет. – Всё ж товарищ верный твой, пусть и неразумный...

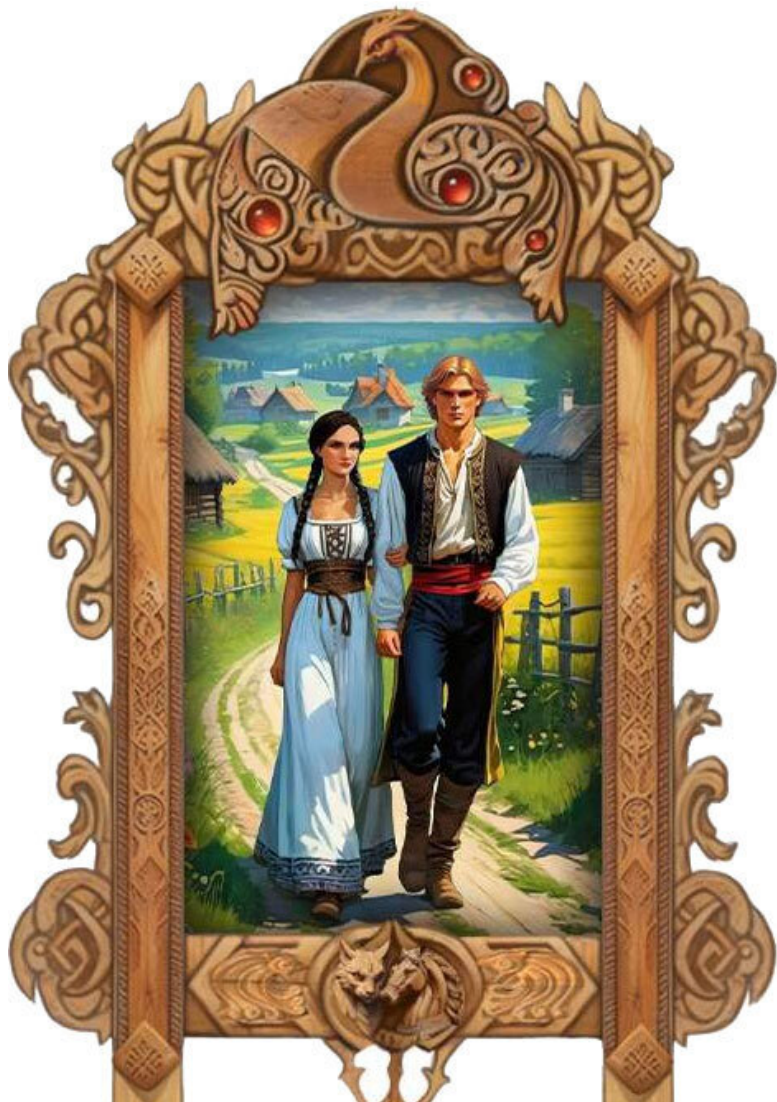
Белояр взвился и протестующе встал на дыбы. И если честно, я его понимала. Это он-то неразумный? Конь, который говорит и, простите меня, даже поёт?!

Иван не ответил. Легко потянув за поводья, усмирил взбунтовавшегося жеребца. Покачал головой.

– Позже освобожу. А ты подумай над своим поведением. Богатырский конь слушать хозяина должен, выручать из беды, а не притягивать новое лихо.

Белояр присмирел. Видимо, оба перегнули палку. И Иван, и сам конь. Хотя, признаюсь, я была на стороне белогривого. Ну ничего не могла поделать с неприязнью к Марьянке. Особенно после её ночных и дневных угроз.

– Ванюш, позволь на ручку твою крепкую опереться, устала я... – прижалась к Ивану Марьянка, воспользовавшись нашей остановкой. Белояр картинно закатил глаза. Неужели у меня научился?

– Дык, ежели устала, давай Белояр повезёт, – начал было Иван, но Марьяна пуще прежнего вцепилась в рукав его рубахи.

– Нет-нет, боязно мне. Он же... только что... вон как вскинулся. Да и недалече тут, своим ходом дойдём.

Иван вздохнул тяжело, бросил на меня взгляд через плечо и кивнул. Вот только я не поняла, что хотел сказать он глазами своими ясными. Дабы не смотреть на повисшую на Иване Марьянку, я подошла к Белояру поближе и осторожно положила руку ему на шею.

– Я тебя не боюсь, – прошептала я коню и улыбнулась. – И вовсе не неразумный ты. Я таких умных коней отродясь не видывала!

И ведь не соврала ни на грамм. Не видела.

Говорящих коней в нашем мире не существовало.

– Белояр, – обратилась я к жеребцу спустя какое-то время. Искорки вокруг морды коня истончились, и заклинание, как я поняла, прекратило своё действие. – А скажи, только честно. Встречаются ли в ваших местах другие говорящие жи... создания?

– А в ваших землях, стало быть, нет? – уточнил конь, демонстрируя свою вредность.

– Нет, – осторожно ответила я. – Ну или мне не попадались. Так что?

– Встречаются, – протянул Белояр и фыркнул. – Вот толь-

ко не всякий разговаривающий умом богат. Да ты и сама вскорости увидишь.

Я улыбнулась. Это логично, что не все животные умные. Иначе тут было бы царствие живности, а в прислугах бы у них простодушные деревенские ходили. Как представила город таких вот Белояров, аж дурно стало. Эти точно смогли бы устроить революцию.

Так и не заметила, как на горизонте появились крыши деревянных изб.

– Ох, Иванушка, жаль прощаться, – проворковала Марьяна, даже не думая отпустить руку Вани.

– Да чего ты! – воскликнул Иван. – Чай, не на многие лета прощаемся. Свидимся скоро. Ты же знаешь, я всегда возвращаюсь.

И, высвободив руку из цепкого захвата, приобнял змеюку. А я чем больше смотрела на Марьянку, тем сильнее чувствовала к ней неприязнь. И виделась она мне такой чёрной пиявкой, которая присосалась к светлому Ивану и отравляет его, высасывая хорошее и отдавая по микрокрупцам яд в его кровь. Бр-р-р, ну и образы в голове, жуть.

Но ощущения были именно такими.

– А что за дело у тебя в Добрицах?

– Проведать матушкину сестрицу, – улыбнулась Марьянка. – Да передать гостинцев.

И показала свой небольшой узелок. Вряд ли там было что-то съедобное. Судя по размеру, либо украшения какие, либо

обереги да амулеты.

– Это к Ведане-то? – В голосе Ивана послышалось какое-то опасение.

– К кому ж ещё, – пожала плечами Марьяна. – Других сестриц матушки здесь не живёт.

– Дык к ней... в лес глухой топать надо, – заметил Иван, косясь на светлые избы, выстроившиеся в рядочки. – Ведьма же...

Оп-па. Приехали. Это в ближних родственницах у Марьянки настоящая ведьма? Из тех, кто на лесах да болотах живёт, общаясь с нечистью всякой?

Ох, сильного врага я себе нажила, сама того не ведая.

– Дойду, – перестала улыбаться черноволосая. – А вы ступайте, задержала я вас. Еёйные уже извелись небось, ищут потеряшку всюду. Да и тебе есть куда спешить, негоже богатырю славному бабьими делами заниматься.

И снова этот острый взгляд в мою сторону. Мне резко захотелось обвешать себя всеми возможными оберегами. Хорошо, что в наряде, который выдала мне Алеська, всюду были вышиты охранные знаки. И даже в лентах, что в косу вплетены. Мне об этом в процессе облачения Алеська и рассказала, посетовав, что личных амулетов у меня при себе не нашлось.

– Эх, совсем без защиты ты, – покачала тогда головой Алеська, но тут уж ничем помочь не могла. Такие вещи просто так не дают на «поносить».

И в тот момент, как услышала я про родню Марьянки, остро пожалела, что оказалась столь беззащитной перед злыми помыслами девушки. Надо бы раздобыть чего-нибудь в ближайшее время. У жар-птицы узнать, что можно сделать, чтобы обезопасить себя.

Явно не просто так Марьянка решила навестить родственницу именно сейчас. Интуиция вопила о том, что девушка, увидев во мне соперницу, решила перейти к решительным действиям.

– Ну бывай. – Чмокнув черноволосую змею в лоб, Иван отпустил её и сделал шаг назад, разрывая объятия.

– Скоро свидимся, – многообещающе ответила Марьянка и, бросив в мою сторону холодный взгляд, добавила: – Прощай, Алёнка.

Мысленно я усмехнулась с того, как всего несколькими словами Марьянка обозначила, что Ванюшу ждёт поскорее домой, а меня больше видеть не желает. Никогда.

Вроде как возвращайся в свои места, тебя сюда не звали, здесь и без тебя всё хорошо.

Белояр многозначительно заржал, но комментировать прощания Марьянки не стал. Наверное, чтобы гнев Ивана не спровоцировать в очередной раз.

И стоило светлому платью Марьянки скрыться среди густых деревьев, как Иван повернулся ко мне.

– Устала, Алёнушка?

Я пожала плечами. С одной стороны, ноги начинали гу-

деть, непривычные к столь долгим пешим прогулкам. С другой – вроде пока от усталости на землю не падала.

– Куда путь держать будем? – вместо ответа спросила я, боясь, что Иван оставит меня в этой деревне, а сам поедет по своим богатырским делам.

– Со старостой погутарить надо, вдруг твои сюда приходили, искали тебя. Заодно, может, помочь чем надобно будет. Я ж, Алёнушка, не просто деревенский молодец. Служба у меня особая. Защищать от лиха всякого простой люд.

– Как ведь... – чуть не ляпнула про ведьмака, но опомнилась вовремя. – Как воин Света?

И невольно вспомнились те искрящиеся золотые нити, которыми Иван обезмолвил Белояра. А ведь действительно, если я правильно поняла, Иванушка здесь что-то вроде славянского ведьмака. Богатырского. Вон даже своя «Плотва» имелась. Говорливая.

– Можно и так сказать, – кивнул Иван. – Ну что, готова?

Я пожала плечами. Как Марьянка ушла, на душе стало легко и даже дышать словно слаще. И первые признаки усталости сами собой прошли, зато появилось щекочущее нервы ожидание встречи с чудесами древними. Главное, далеко от Ивана не отходить, а уж с ним не пропаду.

– Не бойся, Алёнушка, в беде не оставлю, – вдруг притянул меня к себе Иван и чмокнул в лоб. А я изумлённо заморгала, уставившись на его открытую улыбку.

Это что сейчас было?

Деревня Добрицы была значительно крупнее той, где волею магии купальского костра я очутилась прошлой ночью.

Когда мы с Иваном вошли в поселение, внезапно на дороге стали появляться люди. А ведь пока мы были в отдалении, мне казалось, что деревня спит.

Хотя... где это видано, чтобы деревенские до обеда прохлаждались?

Пока разглядывала по сторонам происходящее, пропустила традиционное приветствие с поклонами. Потупила взор, уткнулась в Белояра, будто так и надо. А Иван уже вовсю со старостой общался.

Глава деревни выглядел как герой из сказки: белоснежные седые волосы, объёмная борода, глубокий взгляд под густыми бровями, лёгкая полуулыбка. На старосте была полотняная рубаха с тонкой окантовкой, широкий матерчатый пояс, просторные штаны и обувь, похожая на смесь лаптей и полусапог. Если Иван ходил в сапогах из тонкой кожи, то на старце были «тапочки», приспособленные со всех сторон и перевязанные тонкими лентами. Молодняк и чуть постарше бегали босиком, что летом в целом хорошая практика. Непривычная немного для меня, человека из двадцать первого века, но понятная. Если вспомнить, я и сама, когда ездила к бабушке в деревню, носилась по дорогам босоногая.

И снова я углубилась в размышления и пропустила часть разговора. Лишь когда старец посмотрел на меня и кивнул, отбросила прогулки по чертогам разума и превратилась в

слух.

– Она, стало быть. Нет, соколик, не видывали никого из еёного рода. Коли придут, обязательно скажем, что с девой всё ладно и она под защитой твоей.

Иван согласно закивал. Фух, раз под защитой, значит, не бросит?

– Иванушка, спаситель ты наш, тут дело такое появилось. Очень вовремя ты явился. Зверь неведомый повадился скот портить, да не сдюжили своими силами. И к Ведане на поклон ходили, но та лишь руками развела. Не по моей, грит, части это. Казала, тебя дожидаться. Дала травок отпугивающих, да те лишь в первую ночь помогли. На тебя одна надежда, милоч.

– Я как чуял, дед Агний, что к вам напервой наведаться надобно. Что ж, глянем, что за зверь такой лихой облюбовал земли местные. А покамест Алёнушку устройте, может, кто из девок сподможет с бабскими штучками. Совсем нагая, считай, пришла, ничего с собой не было.

Я почувствовала, как лицо моё загорелось стыдливым румянцем. Не очень приятно себя нищенкой ощущать. Особенно если вспомнить, что до этого вполне справлялась с обеспечением себя любимой всеми благами, оплачивала квартиру, интернет, зарабатывала на хотелки и необходимое. А тут враз стала никем. Обидно.

Но Иван был прав. Если местные могли чем помочь, отказываться глупо. Оберегов бы... от всяких ведьм лесных.

– Алёнушка, я схожу к лесу, на границу с пастбищем. А ты пока с дедом Агнием иди. Помогут тебе, чем смогут, да и скучать не придётся, куда меня не будет.

Я кивнула. Хотя, если честно, оставаться без богатыря своего было боязно. Вдруг снова что-то не то сделаю? Но и вешаться на него, как Марьянка, словно пиявка, я не собиралась. Вздохнула, улыбнулась Ивану и Белояру и пошла следом за старостой.

– Ты не бойсь, у нас тут все хорошие, – сказал дед Агний, когда мы подошли к одной из изб. – Заходи, милая, гостем будешь.

Я замаялась на пороге, не зная, как отвечать. Пробормотала что-то вроде «благодарствую» и поспешила войти в сени.

– Хозяйка! Ходь сюды. Пирожков прихвати да узвару с погребу тащи на стол.

Меня дед усадил на широкую лавку подле стола, а вокруг, словно пчёлка, закружила жена старосты. Бойкая старушка, в которой чувствовалась сила немалая. Это вам не изнеженные городские пенсионерки. У хозяйки избы в руках силушки было поболее, чем у некоторых моих ровесниц.

Когда стол украсился красивым блюдом с румяными пирожками, расписным глиняным кувшином с узваром и другой мелкой посудой, жена старосты села подле мужа и с добротой улыбнулась мне.

– Стало быть, ты с Иванушкой нашим пришла?

– Потеряшка она, – ответил за меня дед Агний. – Приблуд-

дилась ноченькой к гуляниям, там её Ванька и нашёл.

– Ох, бедная, – всплеснула руками хозяйка. – Да что ж это я, совсем забегалась и не представилась. Радмила я.

– Алёна, – ответила я и смутилась. Столько в этих людях было искренней доброты и щедрости, что мне становилось неловко. Будто самозванка я и пользуюсь тем, что мне не положено.

– Алёнушка, – кивнула Радмила. – Ты кушай, кушай. Все расспросы после. Чай, с дороги-пути утомилась да проголодалась. Узварчику отведай – всё своё, полезное.

Спорить не стала. Тем более что аромат от пирожков шёл такой, что у меня в глазах темнело от желания срочно схватить за румяный бок и откусить мягкой сдобы.

Под довольные взгляды хозяев я всё же осмелилась взять один пирожок. И не сдержала стона удовольствия.

– Радмилушка, покличь девок, надобно Алёнке сподмочь с вещами. Платье какое, пояски-ленты. И оберег Иван просил. Но то я сам, схожу куда надо да принесу. А ты посмотри, чтобы не обидели нашу девочку.

– Всё устрою, будь покоен.

А я не знала, что сказать, поэтому просто жевала пирожки и запивала вкуснейшим холодным узваром. И думала о том, что же ждёт меня впереди. Нужно срочно поговорить с жарптицей, вот только как это сделать, когда вокруг постоянно столько людей?

Придётся ждать ночи.

Глава 4. Опасная служба Иванушки

Чем больше я узнавала этот мир, тем сильнее росло моё удивление. Здешние люди, несмотря на, казалось бы, победу зла и Тьмы, были до невозможного добры, учтивы, внимательны и щедры. На зов жены старосты пришло, наверное, больше половины деревни. В основном молодые девушки примерно моего возраста, но и несколько пожилых матрон тоже изъявили желание познакомиться и пришли помочь. А заодно и разжиться свежими сплетнями.

Пока мне показывали то или иное платье, юбку или ленты, разговоры не умолкали. Я успела понять, что моего Ивана считали завидным женихом не только в его родной деревне, но и здесь. А там, кто знает, может, вся область с трепетом следила за тем, на ком остановит свой взор ясен сокол богатырушка Иван?

И конечно, моя персона тут же всех заинтересовала. Мало того, что неведомо откуда пришла, так ещё и под протекцией самого Ванюши.

Признаюсь, вопросы о моём крае и деревне сыпались регулярно, но пока удавалось переводить тему и отвечать на более безобидные, – благо выбора было предостаточно. Галдёж девичьих голосов не смолкал несколько часов.

Когда солнце начало клониться к закату, я устало упала на лавку и прикрыла глаза. Голова нещадно болела. И Ивана

что-то не было очень долго. Я уже начала переживать.

– Девоньки, всем большое спасибо, а теперь все по избам. Чай, дел накопилось, да и Алёнку нашу совсем загоняли.

Не сказала бы, чтобы все хотели расходиться, и я в чём-то понимала девушек. Вряд ли здесь каждый день происходили такие вот суетливые мероприятия. Развлечений у деревенских мало, поэтому каждое ценилось на вес золота. Но послушаться жены старосты не посмел никто, и вскоре изба опустела.

– Что-то Ванюша задерживается, – глядя в окно, заметила Радмила. Я вздрогнула. Значит, не только мне показалось, что он уж как-то слишком долго ходит на разведку. Мои переживания не остались незамеченными мудрой женщиной. Покачав головой, она улыбнулась. – Ты не слушай старую, всё с нашим соколиком хорошо. Видать, на след напал и решил сразу зверя извести, дабы в Добрицах не задерживаться. Он у нас богатырь всем деревням на зависть. Не бойся, Алёнушка. Чует моё сердце, с Ванюшей всё хорошо.

И будто в ответ на её слова со стороны леса раздалось ржание Белояра. Ну, я подумала, что это он. Конечно, различать коней по тональности ржания я за день не научилась.

Вскочив с места, я рванула было на крыльцо, но замерла на пороге.

– Беги, – улыбнулась мне Радмила. – А я стол накрою нашему славному воину.

Меня дважды просить не требовалось. Распахнув двери,

помчалась в сторону, куда уехал Иван, и почти сразу увидела силуэт конного всадника.

Всего разок моргнула, а Ваня уже рядом. Спрыгнул с коня, чуть охнул, прижав руку к боку, и тут же распрямился. Широко улыбнулся, откинул пятернёй волосы назад и сказал:

– Ну что, Алёнушка, соскучилась?

– Боялась я за тебя, – честно ответила я, чувствуя смущение. – Не ранен ты? Что за зверь там был?

– Ванюша, не стойте у порога, заходите. Я уже всё приготовила и за хозяином послала. Потерпи, Алёнушка, сразу всем расскажет, чтобы два раза не пересказывать.

Я словно факел вспыхнула. Вот привыкла по-простому: волнуется чего – сразу спросить. А тут вон целые ритуалы. Дождаться старосту, расположиться за столом, богам воздать хвалу да откусать немного. И лишь когда щёки Ивана порозовели от горячего борща, дед Агний решил задать давно мучивший меня вопрос.

– Ну что, Ванюш, кажи. Кто скотину нам портить удумал?

– Не зверь то, дед Агний. Двоедушник. Не стал рисковать я, пришлось сразу охоту за ним учудить...

– Ох, батюшки! – всплеснула руками Радмила. А я крутила головой туда-сюда и не понимала, что же такого страшного в этом двоедушнике?

– Смог? – коротко и по существу уточнил староста. Ваня кивнул.

– Кострище в эту пору уж догорает. Всё сделал как положено. И богам помолился, и охоронные руны начертал. Не вернётся боле. Вот только...

– Что? – тут же отозвался дед Агний.

– За Веданой послать всё же придётся. Скотина от двоюдушника пострадала вся, что на выпасе была. Это сразу обычным взором не видать, но хворь заразой раскинулась. Устал я, дед Агний, сам бы мог, да силушки выпила зараза много. А ежели сразу не лечить, то третьего дня чума начнётся.

– Вовремя ты, соколик, появился. Слава богам, что стопы твои направили к нам в этот час. Радмила, за Веданой шли немедля. Что угодно пусть обещают ведьме, но чтоб помогла.

Жена старосты накинула на голову платок и резвой козочкой упорхнула на крыльцо. Я же так и сидела с открытым ртом, переваривая услышанное. Шуточки закончились. Началась та самая жуткая часть, про какую исконные сказки рассказывали. Не те, что дошли до нас сильно отредактированные в угоду современности, а настоящие. Тёмные, страшные, про то, от чего кровь в жилах стынет.

– Кушай, кушай, спаситель наш. А после баньку затоплю. Сегодня у нас останетесь, негоже на ночь глядя в путь-дорожку собираться.

– Благодарствую, дед Агний, – улыбнулся Иван и посмотрел на меня задумчиво. – И правда, лучше утром поедем. Сам-то я могу и в поле заночевать, а Алёнке сподручнее в

избе будет.

– И тебе отдохнуть опосля бою, – заметил староста. – Ежели подлечить надо, только скажи. Всё одно Ведана скоро придёт, к тебе сразу направим.

– Спасибо, дед Агний, сам справлюсь. Чай, не с пустыми сумками в дорогу отправился, травки целебные вожу с собой. Воды только вскипятит пусть хозяйка, после баньки мазь разведу.

– Сделаем в лучшем виде, – ответил староста и, кряхтя, встал с лавки. – Кушайте, молодые. А я пойду гляну, как там Радмила и не пришла ли Ведана.

И вышел, оставив нас одних.

– Так что, Алёнушка, – отставив пустую тарелку в сторону, вдруг обратился ко мне Иван, – сучала ль по красну молодцу своему?

Вот вроде не первый год с парнями общалась, а с Иваном будто в старшие классы школы вернулась. Так он умел одним голосом, одним взглядом смутить совершенно невинными фразами, что я просто терялась и постоянно краснела.

– Сучала, – ответила, решив не играть в дурочку. – Хотя отдыху мне не давали. Твоими заботами окружили всей девичьей частью деревни. Даже голова разболелась от их разговоров.

Иван усмехнулся.

– Мне казалось, все девицы любят такое занятие.

– Не все, – буркнула я. А потом спросила то, что было

важнее платьев и сплетен: – Иванушка, расскажи лучше, что это за создание такое – двоедушиц?

– Двоедушник, – поправил меня Ваня. – Это такой несчастный человек, который с рождения наказан богами двумя полноценными душами. Первая – человеческая, как у тебя или меня. А вторая – демоническая. И в образе этом двоедушник может быть как монстром, так и с виду обычным диким зверем. Именно поэтому местные приняли его за зверьё.

– Вроде оборотня? – уточнила я и прикусила щёку изнутри. Вот чего снова полезла с языком своим? Вдруг здесь не существовало оборотней в том понимании, в каком я себе представляла. Но сказанного не воротишь.

Иван задумался, а потом кивнул.

– Можно и так сказать, только разница всё ж есть. Двоедушник по сути своей отравлен сызмальства печатью демонической. Несёт ближним несчастья, болезни и всякие беды. Оборотни же подобными подарками близких не одаривают.

– А ты говорил, что скот он отравил... Это как? А людям опасна эта хворь?

– Опасна, коли заражённую скотину в пищу употреблять будут. Ежели Ведана сподможет, то лиха избежать можно будет. Я бы и сам мог, но...

– Помню, силушки не хватает сейчас, – перебила я Ивана. Он кивнул и вдруг улыбнулся.

– Да и не любо мне врачевать, Алёнушка. Не богатырское

это занятие. Вон ведьмы есть, чай, при каждой деревеньке одна да найдётся. Пушай и балуются травками своими людям во благо.

– Ведана... – повторила я за Иваном. – Получается, тётка Марьяны ведьма настоящая.

Иван кивнул.

– Получается, и сама Марьяна...

Договорить мне не дали. Со стороны крыльца послышался гомон людской толпы. Вернулись, стало быть, с ведьмой под ручку.

– Пойдём. – Ваня встал, едва заметно провёл рукой по рёбрам слева да протянул мне ладонь. – Глянем, что там случилось.

– Может, тебе всё же подлечиться? – с сомнением покосилась я на рубаху богатыря, надёжно скрывающую секреты Ивана.

– После, – махнул рукой Ваня и потянул меня к выходу.

Когда мы вышли со ступеней во двор, то увидели, что около дома старосты собралась почти вся деревня. Встав неровным полукругом, окружили они трёх человек. Высокую русоволосую девицу, которая днём была среди тех, кто помогал мне с одеждой, а бабам со сплетнями, Марьянка ненавистная змеица и сухая, я бы даже сказала, мумиеподобная старуха с бело-серыми волосами ниже пояса. На морщинистом лице в сумерках особо ярко выделялись почти ввалившиеся глазницы с чернящими глазами. Жутко. Мне казалось, ведь-

мы должны напускать морок, выглядеть красавицами молодыми, а тут прямо Баба Яга из страшной сказки.

Мазнув по толпе своими глазищами, ведьма остановила взгляд на мне, от чего у меня тут же по спине лёд побежал.

– Иванушка, снова твои забавы мне покою не дают, – проскрипела неприятным голосом Ведана, продолжая глядеть при этом на меня. Это она так давала понять, что вовсе не двоедушник проблем доставил, а, собственно говоря, одна приبلудившаяся Алёнушка?

– Тётушка, почём зря Ванюшу не браните. Нет в том его вины, что лихо расшалилось.

И тоже на меня глазами своими зырк. Ух, ведьма! Вот зуб даю, точно к ней дар ведьмовской перейдёт. Если уже не перешёл.

И ведь снова будто на меня намекали обе, а то, что скот у деревенских помереть мог, так это цветочки. Главное зло же у нас что? Правильно. Алёнушка.

Иван будто почувствовал мой страх перед этими двумя, приобнял меня и чуть притянул к себе, вот только это лишь обозлило Марьяну сильнее прежнего. Синие глаза сверкнули недобрым, но та быстро взяла себя в руки и приторно-сладко улыбнулась моему богатырю.

– Ванюш, пока тётушка скотом займётся, позволь, я осмотрю твои раны. Знаю же тебя, никому не дал себя проверить небось.

– Не дал! – обиженно вступила в беседу Радмила. – Сам, грит, всё сделаю. Ишь какой. Само-стоя-тельный!

– Не стоит, Марьян, лучше Ведане помощи. Работы на всю ноченьку хватит. Я бы помог вам, да самому силушку восстановить надо.

Поклонившись ведьме, Иван повернулся ко мне.

– Ну, пошли, Алёнушка. Не будем мешать творить *благое* дело.

А я и рада поскорее спрятаться под сени дома старосты.

Там и обереги всякие, и домовые хорошие, и взглядов этих нет... прожигающих насквозь.

Но чувствовала я, что так просто от Марьяны мы не отвяжемся. Как пить дать ночью заявится с очередным «важным» вопросом.

Но то будет после. А пока стоило воспользоваться небольшой передышкой и заодно про защиту свою с Иваном поговорить.

Наедине.

Пока не закрылась за нами дверь сеней, я чувствовала перечное жжение между лопаток. И лишь оказавшись отрезанной надёжным деревом от взглядов ведьм, передёрнула плечами. Жутко. Захотелось на себя панцирь непроницаемый надеть, лишь бы не цеплять никакого негатива.

– Алёнушка, что с тобой? – От Ивана не укрылось моё взбудораженное состояние. Но говорить правду ему? Он же считал, что Марьянка – друг. Не поверил бы мне. Вон даже очевидного не замечал, что уж говорить о скрытом.

Но и таить страхи свои от единственного, кто мог защитить, я не хотела. Вздохнув, ответила:

– Не обижайся, Иванушка, но худо мне от Марьянки и Веданы. Чую недоброе с их стороны. Доказать не могу, просто чувствую...

Иван открыл было рот, наверняка чтобы защитить свою подругу детства, но я перебила его, поспешив сбавить градус негатива.

– Я понимаю, что ты им доверяешь, и не прошу ничего плохого. Просто помоги мне с защитой. Я неопытна в этом вопросе, да и оберегов нет с собой. А ты не понаслышке знаешь, как это важно.

Иван кивнул. А я выдохнула с облегчением. Всё же я для него человек чужой, пусть он и испытывал ко мне, возможно, некоторую симпатию. А с Марьянкой рос, как сам говорил, с малолетства. И любые мои намёки мог воспринять в штыки, разорвав негласное соглашение оберегать меня, и отпустить на все четыре стороны.

Чем больше я об этом думала, тем сильнее понимала, что нужно как можно скорее становиться на ноги и самой учиться заботиться о себе. Хорошо ещё, что у меня есть жар-птица. Обязательно ночью нужно поговорить с ней обо всём.

– Алёнушка, – вывел меня из невесёлых дум Иван и накрыл ладонью мою руку. – Не бойся. Я не отступлюсь. Обещал – всё сделаю, чтобы ты целой и невредимой к родным попала.

– А если не найдём их? – осторожно заглянула в глаза Ивану, боясь услышать ответ. Я же знала, что никаких родственников не отыщем, ибо все мои остались в другом мире. В родном, техногенном, лишённом магии и давно шагнувшем по цивилизационной дорожке вперёд.

Иван подозрительно долго молчал. Смотрел на меня глубоким взглядом и ничего не говорил. А меня начала пугать эта тишина. Вот кто снова за язык тянул? Сначала бы попри-

вык ко мне, погуляли бы по миру, а уж после и разговоры такие вести. Но нет же, мне надо здесь и сейчас! Ещё бы договор с него требовала, да с подписью кровью. Дура!

– Сдюжим, – коротко сказал он, когда я уже думала сказать, что пошутила. – А про защиту...

И тут как раз на пороге избы появился староста. Уставший, но довольный. Мигом оценив обстановку, не упустив и наши касания рук, он кивнул своим мыслям:

– Со скотиной управятся к полуночи. Дело споро движется, как Марьянка Ведане в помощницы пошла. А я, Иванушка, ходил к жрецу. Помню о просьбе твоей. Вот.

И, подойдя к нам, положил на стол мешочек тёмно-красный.

– Алёнке оберег добыл.

– Благодарствую, дед Агний. – Иван поднялся с места и поклонился старосте. – Ежели чем помочь ещё надобно, только кажите. Покуда здесь, помогу.

– Себе помоги, соколик, – усмехнулся в бороду дед Агний. – А в деревне теперича всё спокойно. Скот к утру здоров будет, двоедушник не потревожит боле. Это малая цена за твою помощь.

Староста взглядом указал на оберег, всё ещё надёжно сокрытый мешочком.

– Ну что ж, пойду проверю, как там Радмила. А ты, Ванюша, раны бы подлечил свои. Вон Алёнка пушай вскипятит водицы, пока моя хозяйка за Веданой смотрит.

– Справимся, – улыбнулся Иван. Дед Агний ещё раз сме-
рил нас задумчивым взглядом и вышел.

Страшно было признаваться, что я с кухней древнерус-
ской не то что на «ты», а даже отдалённо на «вы» не обща-
лась. Но, к счастью, был повод отвлечься от хозяйственных
вопросов.

Я потянулась к мешочку и достала деревянный оберег на
тонком кожаном шнурке. Каплевидной формы, с округлыми
краями, с выжженными на нём узорами рун.

– Давай надену, – тут же спохватился Иван, протянув ру-
ку. Я толком даже не успела рассмотреть оберег, но решила,
что время налюбоваться ещё будет.

Отдала Ивану амулет и повернулась спиной. Перекинула
косу через плечо и замерла, когда шею коснулось чужое ды-
хание. Вот зачем он наклонился так близко?

– Всё в порядке? – тихо спросила я, когда поняла, что
Иван застыл в этой позе дольше, чем было необходимо.

– Да, – послышался глухой ответ.

Я резко развернулась. Ткань верхней рубашки натяну-
лась, сползла в сторону и в образовавшемся разрезе декольте
мелькнул огненный блик пера жар-птицы.

– Что это? – моментально собравшись, требовательно
спросил Иван.

– Что?

Эх, актрисой мне не быть. Хотела притвориться, будто не
поняла, о чём спрашивал Иван, но...

– Алёнушка, не гневи богов. Ты прекрасно поняла, про что я спросил. Не любопытства ради, а из боязни за тебя. Вдруг опасно это.

– Не опасно, – опустив глаза в пол, ответила я. И вздохнула. Ведь не отступится. Неужели пришло время рассказать ему про жар-птицу? Но... не обязательно же говорить сразу всё. Можно лишь часть правды открыть...

Я молча запустила руку под рубаху и достала перо. Правда, пришлось тут же прикрыть его второй рукой, – свет от подарка жар-птицы мгновенно залил всю избу старосты, и я испугалась, что он привлечёт внимание тех, кто остался снаружи.

– Перо жар-птицы! – воскликнул Иван и как-то странно на меня взглянул. Будто впервые увидел. Я даже испугалась. – Откуда оно у тебя?

– Я... в лесу... нашла, – сказала и не солгала ни на грамм. Пока не поговорила с пернатой, искренне боялась сболтнуть лишнего. И хоть я и доверяла Ивану больше, чем кому-либо, но секрет этот открыть побоялась.

– В нашем? – тут же ухватился за ниточку Иван. – Алёнушка, мне нужно точно знать. Ты не понимаешь, жар-птиц... их же не встречали уже много веков! Ежели это правда, ежели жар-птицы снова пришли в наш край... Алёнушка! Это всё меняет!

И так он вдохновился этой новостью, что мне стало неловко. Ведь не он знал, что жар-птиц больше нет. Тех самых,

которые могли противостоять силам Тьмы. А есть я, слабая попаданка, которая понятия не имеет, что делать с этим даром, так неожиданно обрушившимся на неё.

– Да, в лесу, что возле костра.

– Ты видела её? – с благоговением спросил Иван спустя минуту тишины.

И мне было очень тяжело солгать, глядя в его чистые ясные очи. Я чувствовала себя последней дрянью, но не могла распорядиться этой тайной в одиночку.

– Нет, – мотнула головой. – Только перо.

– Спрячь его. – Иван накрыл мою руку, всё ещё сжимавшую дар жар-птицы. – Как выберемся из деревни, обсудим. А пока никому не показывай. Носи у сердца, оно защитит тебя лучше всякого амулета.

Я кивнула. А на душе остался противный осадок. Может, всё же стоило ему рассказать?

– После расскажем, – раздался в голове тоненький голос пернатой. – Не время и не место, Алёнушка. Всему свой черёд.

– Вода, – напомнила я, решив, что пора бы сменить тему. – Надо вскипятить...

– Я и сам справлюсь, не переживай, – тепло улыбнулся Иван. – Но ежели хочешь, можешь помочь опосля. Мазь нанести на ссадины, что на спине. Но только ежели хо...

– Хочу, – поспешила уверить я моего богатыря. – И с радостью помогу тебе.

Иван довольно кивнул и направился к печи. Достал пустой казанок, огляделся. Нашёл взглядом крупный кувшин.

– Я скоро, до колодца пройдуся. А ты сиди тут, мне так спокойнее будет.

– Хорошо, – я улыбнулась. Выходить на улицу, где всё ещё разгуливали две ведьмы, мне не хотелось.

Я уселась возле окна и задумалась, глядя в сумеречное небо. Хлопнули двери сеней. Тишина избы вдруг стала давить. И я обратилась к той, к кому давно накопилось много вопросов.

– Жар-птица, тут ты? Можем говорить сейчас?

– Можем, – тут же отозвалась огненнокрылая. – Но не явлюсь тебе, не сердчай. Слишком заметна я, а люд деревенский не спит покуда. Говори, Алёнушка, что беспокоит тебя?

Вопросов было много. Но я не знала, с чего начать. Поэтому спросила самую незначительную вещь.

– Скажи, а кто такие поляницы?

– Девы-воины, под стать нашим богатырям. Силушкой богатые да умом великие. Хитрые, способные победить не только мечом, но и смекалкой своею. Славные дочери мудрых богов, защитницы слабых и рода. Легенды.

– А где они сейчас, эти поляницы?

– Исчезли, Алёнушка, – вздохнула жар-птица. – Как и многие светлые воины, сгнули в бесконечных битвах с силами Тьмы. А кто не сгинул, тот затаился. Но неведомо мне о том.

Значит, Белояр нас местными амазонками нарёк? Ну что ж, не самое обидное сравнение.

– Что скажешь про Ведану? Стоит ли нам её опасаться?

– Сильная ведьма, – не стала меня успокаивать жар-птица. – Глаз дурной у неё, но ты не бойся. Супротив её силы моей поболе будет. Вот только...

– Что?

– Могут действовать подлю, бить по больному. И тут, Алёнушка, только ты сама сможешь выстоять.

– Ничего не понятно, но жуть как интересно, – проворчала я. Продолжить наш диалог не дал стук сапог по половицам.

– Я вернулся, – с кувшином, в котором плескалась вода, с порога заявил Иван. Я вздрогнула и улыбнулась.

* * *

С возвращением моего светлого защитника время потекло стремительной рекой. Истопив печь, он споро вскипятил воду в казане, после достал мешочек с разнотравьем. Я лишь наблюдала за колдунством, которое творил Иван, и не мешала ему. Сварив кашу лечебную, он изобразил непонятные знаки над котелком, и с подушечек его пальцев снова сорвались золотистые нити, которые напитали собой почти готовую «мазь».

Переложив содержимое казанка в глиняную миску, Иван дождался, пока от неё перестал валить пар и, взглянув на

меня, стянул рубаху. Судя по его влажной коже, пока ходил за водой, он и обмыться где-то успел. Мелкие ссадины были очищены от запёкшейся крови и готовы к лечебному снадобью.

– Сначала спину обработай, а остальное сам закончу.

Иван уселся на лавку передо мной и застыл в ожидании процедуры. Я зачерпнула ещё горячую, но уже не обжигающую массу и поднесла её к ранам.

– Смелее, Алёнушка, – со смешком подбодрил меня Иван. – Не сахарный, не растаю.

А я осторожно коснулась его спины и застыла. От кожи богатыря исходила аура такой мощи и силы, что невольно хотелось чисто по-женски подчиниться, уступить, прижаться, обнять и так и остаться позади, под надёжной защитой.

– Алёнушка? – заметив мою заминку, произнёс Иван. Я словно от морока очнулась.

– Да-да, сейчас.

И больше старалась не отвлекаться на неуместные эмоции и ощущения. Тут богатырь от ран страдает (ну ладно, не страдает, но всё же), а я эгоистично о своих желаниях думаю.

Когда с обработкой спины было покончено и я в последний раз коснулась смесью ссадин, дверь избы резко распахнулась.

– Иванушка, мы закончили, и я пришла тебе помо... – с порога затархтела Марьянка и осеклась, мгновенно оценив обстановку. Взгляд её стрелой метнулся к миске с травами,

обнажённому по пояс Ивану и ко мне, замершей с испачканными смесью руками на его спине.

К чести девушки, справилась с эмоциями она довольно быстро. Натянув на лицо фальшивую улыбку, она сказала, будто ничего не произошло:

– Вижу, ты зря время не терял, Ванюша. Ну что ж, значит, моя помощь не нужна. Я возвращаюсь домой, пришла пожелать счастливого пути.

– В ночь пойдёшь? – удивился Иван.

– Дед Агний гостинцев собрал в нашу деревню. С ними поеду в телеге. Не волнуйся, всё будет хорошо. Да и кто зло причинит мне?

В воздухе повисло недосказанное «если всё зло стоит возле тебя». Я то есть.

– Буду ждать тебя дома, Иванушка. Не задерживайся.

Мне же не перепало ни словечка, но я и не расстроилась.

– Бывай, Марьянка. Свидимся, – ответил Иван, не шевельнувшись.

Марьяна эффектно отбросила волосы за спину, развернулась и вышла, не забыв аккуратно закрыть за собой двери. Настолько бережно, что я физически ощутила всю мощь ярости, клокочущей в груди черноволосой змеи.

– Алёнушка, ты закончила? – разрушил мой ступор Иван. Я даже дёрнулась и поняла, что всё ещё держала руки на спине богатыря.

– Д-да, прости, задумалась, – ответила я, тут же отдёрнув

ладони.

Иван развернулся ко мне лицом, осторожно коснулся моих пальцев и заглянул в глаза.

– Ты боишься Марьяну?

На этот раз он не пытался отшутиться или сделать незнанием мои переживания. Я видела – Иван был серьёзен. Поэтому я решила говорить как есть.

– Боюсь, – честно ответила я. – Чую от неё опасность. Ты можешь мне не верить, но ревнует она тебя ко мне. Ещё и это родство с Веданой. Я не могу ничего доказать, но знаю, что Марьяна сделает всё, чтобы меня не было возле тебя... Ежели вдруг так случится, что мне придётся задержаться в твоей компании.

Иван кивнул. Не стал уговаривать, что мне показалось, или как-то переубеждать. И снова у меня в голове промелькнула мысль, что он вовсе не такой простачок, каким притворялся. Он вёл свою тайную игру, вот только каков он был на самом деле? И каковы его мотивы?

– За Марьяну не беспокойся, – спустя минуту молчания ответил Иван. – Её силы пока невелики, твои амулеты защитят тебя от любых попыток навредить. А что касается Веданы...

Пауза, последовавшая после произнесённого имени ведьмы, несколько не обнадёживала.

– Ведана сильна. И самым лучшим для нас будет как можно скорее покинуть деревню и близлежащие земли. Я не мо-

гу запретить Ведане быть здесь, приближаться к тебе. Но ты можешь обезопасить себя сама. Не принимай ничего из рук Веданы или Марьяны, если вдруг мы ещё встретимся с ними. Не бери подарков от деревенских, кроме деда Агния и жены его Радмилы. Не пей и не ешь из рук деревенских, кроме пищи из избы старосты. А как выйдем за границы деревни, я осмотрю тебя, дабы не упустить ни колоска, ни булавки, ни ленты подкидной.

– Спасибо, – глухо ответила я, понимая, как нелегко ему дались эти слова. Это были люди, которых он знал всю свою жизнь, а я всего лишь пришлая девчонка, которой что-то «померещилось». Но он не высмеял меня, не оскорбился, а принял моё беспокойство и вызвался помочь. После этого я ещё больше заужала Ивана.

И вовсе он не дурачок. Какое там двойное дно шкатулки? Да в нём таилось целое подземелье секретов!

– А теперь, с твоего позволения, я закончу обрабатывать раны, – усмехнулся Иван, сбавляя градус напряжения. – Или же хочешь помочь и с этим?

Я взглянула на могучую грудь богатырскую, пересечённую несколькими застарелыми шрамами, на ссадины и синяки, что украшали рёбра мужчины, и стыдливо мотнула головой. Такого испытания моя девичья натура могла не выдержать. Касаться его кожи, чувствуя на себе взгляд пронзительных глаз, ощущая близость его дыхания? Нет, это слишком!

Иван засмеялся, заметив мою реакцию и окончательно разрядив обстановку. Я не стала больше доставлять ему удовольствия своим смущением, отошла к окошку и выглянула во двор.

– Расходятся, – заметила, глядя, как деревенские начали разбредаться по избам.

– Давно пора, – зевнув, отозвался Иван. – Чай, не светлый день на дворе.

Я кивнула не оборачиваясь. И прикрыла ладонью сорвавшийся зевок. Действительно, пора бы уже на боковую. В отсутствии привычных раздражителей в виде телефона и компьютера я постепенно возвращалась к правильному ритму жизни.

* * *

Когда в избу вернулись староста с женой, Иван уже закончил свои процедуры и облачился в рубаху. Он потянулся убрать за собой миску, но хозяйка дома шлёпнула его по рукам.

– А-ну сиди, сама справлюсь. Ишь хозяйничать тут удумал. Отдыхай, покуда время есть. Я тебе в сенях постелила, а Алёнушку здесь устроим. За конём твоим Златозар присмотрел: накормлен, напоен, в конюшне устроен. А вы, коли не голодны, спать ложитесь.

– Благодарствую, матушка Радмила, дед Агний, – покло-

нился чете хозяев Иван и, бросив на меня многозначительный взгляд, улыбнулся. – Спокойных снов, Алёнушка. Завтра с петухами отправимся в путь.

Я улыбнулась ему в ответ и едва заметно кивнула.

Завтра начнётся наше приключение, уже без навязанных спутников. Без хитрой Марьянки и её попыток соблазнить Ивана.

С этими мыслями я и уснула, чувствуя умиротворение и благодать.

А утром подскочила от оглушительного «Ку-ка-ре-ку!», прозвучавшего прямо над ухом.

Глава 5. Пернатые страсти

Спросонья подобный будильник вызвал у меня приступ паники. Вскочив в кровати, я едва не столкнулась с клювом грозной птицы.

– Петух?! – не нашла ничего более оригинального, чем сообщить очевидное.

– Алёнушка, я же предупреждал: встанем с петухами. – Только теперь я увидела Ивана, который стоял возле моей кровати и выглядел как-то уж слишком довольным. Осознание пришло с задержкой, но всё же пришло. Петуха притащил ко мне на одеяло именно богатырь мой... славный!

У меня руки зачесались отправить в ухмыляющееся лицо Ивана подушку, но вовремя вспомнила, что я вообще-то не у себя дома, а в гостях. Как на подобное отношение к личному имуществу посмотрит староста и его жена? Нет, так не пойдёт.

Решив, что петуха я Ивану ещё припомню, сползла с кровати и спохватилась. Это у нас в двадцать первом цивилизованном веке подобная полотняная рубаха до пят с закрытыми рукавами сойдёт за верхнюю одежду, а здесь в таком показаться молодому парню было верхом неприличия. Ойкнув, прикрылась одеялом.

– Поди прочь, Иванушка, дай одеться!

Со смехом Иван подхватил возмущённого такой наглостью петуха и, обернувшись у порога, сказал:

– Собирайся скорее, Алёнушка, а то придётся мне вернуться и помочь.

И подмигнул, зараза такая!

Титанических усилий стоило мне не послать ему вдогонку

подушку. А когда я, наконец, осталась одна, отбросила одеяло и судорожно начала одеваться. Без умелых рук помощниц облачаться в бесконечные сарафаны да рубахи было сложно, где-то я наверняка успела ошибиться, в чём-то схалтурить. Но кто там под юбки мне заглядывать будет?

Заплела косу, уже привычно закрепив её лентой. Делала всё на ощупь, так как зеркала поблизости не нашла. Ну да не на подиум иду, сойдёт.

Когда я вышла к хозяевам, на столе уже ждал нас горячий завтрак.

Разговаривали мало. В противовес моему бурному пробуждению за столом царил атмосфера собранности, серьёзности и словно даже напряжённости. Каждый думал о чём-то своём, а я старалась не глазеть на обитателей избы и не отставать от Ивана в неравной борьбе с кашей.

Прощание же и вовсе вышло каким-то скомканным. Деду Агнию и Радмиле надо было заниматься делами деревенскими, проверить скотину с ночи и что-то там ещё. Обняв нас по очереди, Радмила запечатлела на наших лбах родительский поцелуй. Дед Агний обнял Ивана, похлопал его по спине, кивнул на низкий поклон богатыря.

– Белояр уж осёдлан и готов, ждёт вас во дворе, – сказал он напоследок. – Радмилушка собрала вам в дорогу пирожков да водицы, всё уложили в сумки.

– Благодарствую, дед Агний, матушка. – Иван снова низко в пол поклонился. – Не серчайте, коли в чём был неправ али

обидел, не со зла то было. Спасибо вам за Алёнушку, за то, что приютили да с остальным помогли. Буду возвращаться домой – непременно заеду к вам с гостинцами.

Я снова смогла лишь тихо пробормотать «спасибо», повторить за Иваном поклоны и смылась за широкую спину Белояра.

Староста не стал провожать нас до края деревни, поэтому когда мы отошли от избы, Иван тут же предложил мне сесть на коня.

– Я ещё не устала, – улыбнулась я, но Иван возразил, что, как только выйдем за ворота, всё равно поедem верхом.

И пока я думала, как отсрочить неминуемое, на дорогу перед нами выскочила маленькая девочка лет семи. Она широко улыбнулась Ивану и, увидев меня, сказала:

– Вы же Алёна, да? Матушка наказала передать вам это, – и протянула мне небольшую соломенную куколку, облачённую в красивый сарафан с вышивкой, похожей на паука с паутиной.

Я растерянно посмотрела на Ивана, прекрасно помня его слова о том, чтобы ничего не смела брать из рук деревенских. Но это же ребёнок... хотя, с другой стороны, куколка могла быть совсем не безобидной.

– Макошь, – внимательно посмотрев на дар девочки, произнёс Иван. И ловко перехватил детскую ручку. – Давай я передам Алёнушке. А ты беги домой, да непременно скажи матушке, что мы приняли подарок. Благодарствуем.

Девочка, довольная собой, весело умчалась назад, а Иван так и остался стоять, разглядывая куколку в своих руках.

– Всё в порядке? – пришлось мне нарушить тишину, потому как пояснять что-либо Иван явно не собирался.

– А что может быть не в порядке? – удивлённо воскликнул Белояр, напомнив, что нас тут было больше двоих. Разумных говорящих существ. – Макошь – заступница бабья. Хороший дар, особенно в дорогу.

Меня несколько покорило определение Белояра, всё же богиню так обзывать в моём понимании было слишком. Пусть Макошь и была покровительницей и даже где-то заступницей женщин, в её обязанности входило значительно больше.

Однако что я знала о взаимоотношениях древних с богами?

А ещё Белояр не знал о том, что я Ведану и Марьяну опасалась, а с ними и даров их с сюрпризами, поэтому не видел скрытого умысла в даре девочки.

Иван, игнорируя наш диалог со скакуном, провёл ладонью над куколкой, прошептал слова странные и нитями своими золотистыми опутал фигурку.

– Зачем ты проверяешь её? – искренне удивился Белояр, а я лишь машинально шикнула на коня, чтобы не мешал Ивану. Конь богатырский так удивился моему вмешательству, что даже замолчал. Лишь глаза забавно округлил, всем видом словно говоря: «Это что вообще сейчас было?»

– Чисто, – выдал свой вердикт Иван и отдал мне куколку. – Всё хорошо, можешь брать. А теперь садись на Белояра, так быстрее покинем эти земли.

– Да что здесь происходит? – возмутился конь богатырский, понимая, что владеет не всей информацией.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – улыбнулся Иван и, придержав скакуна за поводья, помог мне запрыгнуть в седло. С каждым разом это становилось делать всё легче. Но не сказала бы, что я испытывала особую радость от передвижения верхом.

– Я негодую! – фыркнул Белояр, но меня скидывать со спины не спешил. – Вот скрываете от меня важное, а опосля сами плакаться будете. Белоярушка, помоги. Выручи из беды, спаситель наш!

Я не сдержала тихого смешка. Всё же конь у Ивана был забавный.

Спрятав куколку в седельную сумку, я ухватилась за рожок передней луки седла и на какое-то время словно отключилась, бездумно разглядывая пасторальные пейзажи.

Сама деревня кончилась быстро, а когда мы выехали за границу, обозначенную заборчиком, Иван остановил Белояра.

– Спускайся, Алёнушка. Проверю тебя.

Я послушно сползла в надёжные объятия моего богатыря, намеренно игнорируя вопросительные взгляды Белояра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.